

Литературная газета

Четверг, 20 мая 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 27 (663)

Возрожденное искусство

Завтра в Москве начнется декада узбекского искусства. Посланцы Узбекистана, возрожденного Великой социалистической революцией, покажут достижения всех видов искусства своего народа. Уже прибыли в Москву сотни узбекских декоративных изделий. Среди них ковры, тапты, ковры, тапты — народные сказители, драматурги, писатели, поэты. Мы увидим на сцене филармонии Большого академического театра СССР лучшие произведения искусства узбекского народа — «Сайал», инсценировку, отображающую прошлое и настоящее этого замечательного народа, музыкальную драму «Гольсара» — рисующую современную колхозную жизнь Узбекистана, и музыкальную драму «Фархад и Ширин», созданную по мотивам узбекского эпоса.

Народ, веками угнетаемый эмирами, ханами, баями и царскими колонизаторами, за двадцатилетие Великой социалистической революции прошел гигантский путь развития. До Великого Октября в Узбекистане не было своей промышленности, а теперь уже насчитывается более 50 крупных фабрик и заводов, среди них такие, как таптыковский текстильный комбинат им. т. Сталина, заканчивающийся строительством комбината Чирчикской. На год в год Узбекистан, являющийся основной хлопковой базой СССР, расширяет посевные площади, повышает урожай хлопка, освобождая СССР от необходимости ввозить хлопок из-за границы.

В борьбе за построение социалистического общества Узбекистан выковал свои кадры технической интеллигенции. Правильная ленинско-сталинская национальная политика обеспечила развитие социалистической по содержанию, национальной по форме узбекской культуры.

Узбекская советская литература, несмотря на свою молодость, имеет ряд серьезных достижений. Текст музыкальной драмы «Гольсара», который в ближайшие дни будет показан в Москве, написан лучшим узбекским советским драматургом т. Яхьяевым. Узбекские писатели и поэты развернули широкую переводческую работу. Они знакомят узбекский народ с лучшими достижениями мировой литературы и драматургии. На узбекский язык переведены «Евгений Онегин», «Бакчасарайский фонтан», «Дубровский», «Капитанская дочка» и множество стихов Пушкина, «Лермонтова», «Достоевского», «Шекспира» и другие произведения Гоголя, «Воскресения», «Кавказский пленник», «Хаджи Мурат» — Л. Толстого, «Мать», «Мои университеты», «Дело Артамоновых», «Пестрое» и другие произведения А. М. Горького.

Узбекский народ знаком с «Гамлетом» Шекспира, постановкой, идущей с большим успехом на узбекском языке в узбекских театрах, а также с постановкой пьесы Шиллера «Коварство и любовь». Сейчас Академический театр готовит «Отелло». Переводы этих произведений выполняются советскими писателями Узбекистана.

Эти и многие другие факты свидетельствуют, что литераторы Узбеки-

стана живут напряженной творческой жизнью.

Но узбекские литераторы оторваны от литературной жизни братских республик. Они не получают помощи, не чувствуют руководства со стороны правления ССП СССР.

Широкообещающие обещания участников узбекской бригады, организованной правлением ССП, в состав которой входили Гусев, Вера Инбер, Ермаков и другие, остались не выполненными. Переводом произведений писателей Узбекистана на русский язык организовано не было.

По-настоящему не знает литературной жизни Узбекистана правление ССП, почти никакого внимания не уделяя вопросам узбекского искусства и литературы и «Литературная газета».

Декада узбекского искусства должна явиться лишь первым толчком для начала живой и постоянной связи между литературой Узбекистана и литературой других братских советских республик.

В большом долгу перед узбекскими писателями наши русские товарищи поэты и писатели. Поэзия других национальных республик московские и ленинградские поэты интересуются (многие из них специализируются на переводах с определенного языка, такими переводами Тихонова, Пастернака, Б. Брика, Державина с грузинского), тогда как переводы узбекских поэтов на русский язык занимают от случая к случаю.

Бюро секции московских поэтов следует заняться этим вопросом, выделить несколько товарищей из своей среды, пригласив их в узбекстанскому ССП для творческой помощи и налаживания работы по переводам.

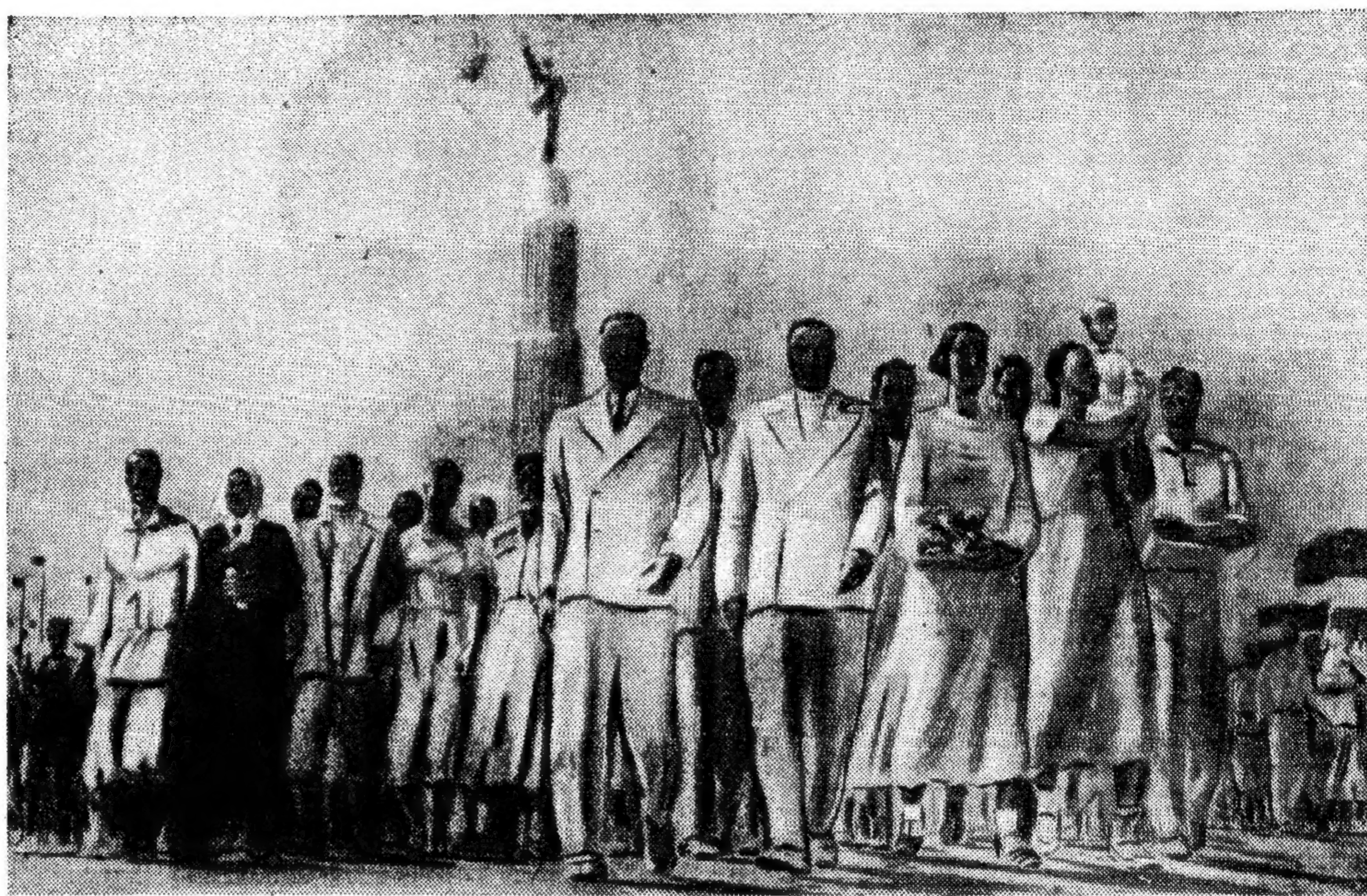
Правы были также товарищи из Узбекистана, когда они обвиняли москвичей в том, что они совершенно не занимаются литературой Узбекистана, не помогают узбекскому ССП в руководстве литературой.

В Узбекистане литературно-критическая деятельность занимается сами поэты и писатели. Это явление положительное. Но критическая секция и национальный сектор ССП должны выделить товарищей, которые в русской прессе систематически освещают вопросы литературной жизни Узбекистана, помогают бы творческому росту этого крупного отряда советских писателей.

Приезд в Москву для участия в декаде посланцев советского и яркого искусства Узбекистана — большое событие в культурной жизни советского народа.

Мы помним декады украинского, грузинского, казахского искусства. Взаимный обмен достижениями национальных искусств оплодотворяет и поднимает нашу советскую многонациональную культуру, наше искусство к новым победам и достижениям.

Редакция «Литературной газеты» приветствует лучших представителей искусства и литературы узбекского народа, которые покажут нам в течение этой декады художественное мастерство своего народа, строящего под солнцем сталинской Конституции свою социалистическую культуру.

А. Дейнека. Панно для Парижской международной выставки

ГЕРОИЧЕСКАЯ ИСПАНИЯ

Разрушение Герники

Рассказ очевидца

В Париж прибыл очевидец чудовищного уничтожения Герники — коммюне баскской культуры — аббат Альберт Зудуага и поделился с трудом французской коммунистической газеты «Юманите» своим впечатлением.

Председатель баскского правительства Агире поручил баску аббату Зудуаге немедленно отправиться в Париж, чтобы дать свидетельские показания цивилизованному миру о чудовищных зверствах фашистов и изобличить гнусную клевету преступников германского фашизма, Франко и Кейло де Льяно, наслонивших на Гернику при отступлении.

«В понедельник, 26 апреля, — начал посланец правительства баскского правительства Зудуага, — я улетел в Бильбао, что фашистская армия, натиском которой республиканцы сдерживали в течение шести месяцев с лишним, перешла в наступление на баскском фронте. Я долгие часы спешно выехал на личном деле в Марину, находящуюся в 50 километрах от Бильбао. Дорога на Марину идет через Гернику. Баскское правительство представило в мое распоряжение машину, чтобы я мог отправиться за моей семьей и переехать в Бильбао.

Был прекрасный весенний день. Ровно без четверти пять я въехал в Гернику. Густая, оживленная толпа заполняла площадь. Я был поражен, с каким спокойствием наши смелые, отважные крестьяне продолжали торговать и спорить о цене быков, ягнят, лошадей. Как будто в стране нашей царил глубокий мир.

Вдур раздался колокольный звон. Мы знаем, что это значит. В баскских деревнях звон колоколов означает тревожные гудки сирен. В нем показались бомбардировочный самолет. Спокойно, не торопясь, жители города направлялись к убежищам, установленным повсюду, в невысоких домах, окружающих город. — Это ничего, — сказал крестьянин, прохаживавший мимо меня. — Это «бейли» (так баскское население называет германские двухмоторные самолеты, в отличие от трехмоторных, прозванных «черными»). Он, наверное, сбросит несколько снарядов и улетит. Как он это делает каждый день!

Но нет! «Бейли» не стал сбрасывать снарядов. Под небом Герники появилась эскадрилья на семи самолетах, затем вторая — на шести, затем третья в составе пяти истребителей. Началась неистовая панника.

Я вышел из машины и вместе с пятью дружинниками укрылся под деревянным мостиком, переброшенным через небольшой ручей. Я считал, что так мы будем в относительной безопасности.

Было ровно без десяти минут пять, когда самолеты — без всякого сомнения, германские — открыли пулеметный огонь. Они летали, по моему численности, на высоте 200 метров и обстреливали из пулеметов толпу, собравшуюся на площади. Слышим был страшный шум, гул и треск. На моих глазах падали старики, женщины и дети.

Таков был первый момент разрушения здания на Гернику. А затем начался второй этап, 15 самолетов полетали на высоте 400 метров. И посыпались бомбы... В течение часа с лишним снаряды безостановочно падали на дома Герники. Бомбардировка не прекращалась ни на минуту. Систематически, с варварской жестокостью, которую нельзя было даже представить, несмотря на то, что шла гражданская война в Испании, летчики засыпали снарядом каждое здание, не оставляя его до тех пор, пока не убеждалась, что оно совершенно разрушено.

Третий этап: самолеты прицельно разрывали бомбы. Всюду, где

по предположениям летчиков скрывались люди, они бросали бомбы. Несколько убежищ, где скрывались сотни людей, были разрушены. Этим объясняется огромное количество жертв. Поэтому же невозможно установить точное число их, ибо убежища, подтвержденные бомбардировкой, совершенно засыпаны землей на глубине десяти метров. Не будет преувеличением считать, что 26 апреля в Гернике погибло около двух тысяч человек.

В то время, как фашистские самолеты, подобно хищным птицам, жадным клевали и жертв, отсыскивали убежища, один из них, трехмоторный бомбардировщик, заметил мою машину, оставленную на дороге, в 50 метрах от того места, где мы укрылись. Летчик, конечно, думал, что кто-то спрятался в машине или под ней. В течение двух минут он сыпал на машину бомбами, кружился вокруг нее, но не мог отыскать место, где мы укрылись. А мы, я и мои товарищи по несчастью, в этот момент вырвали в воду и притянулись под водой, слегка высунув голову и наблюдая за происходящим.

И вот, наконец, четвертая фаза этой войны, этого беспрерывного в истории разрушения. Было около семи часов. Фашистские летчики, густыми убийцами, снова набрали высоту. И стали сбрасывать зажигательные бомбы... Я тотчас понял смысл этой тактики. Мне казалось, что я уже слышу голос генерала Кейло де Льяно, который завтра же возвестит по радио, что «баскские дружинники, прежде чем обратиться в бегство, подвергли исторический город Гернику — эту бомбардировку зажигательными снарядами длился 35 минут, до тех пор, пока весь город не превратился в гигантский костер.

Итак, разрушение Герники и истребление двух тысяч человек продолжалось 2 часа 45 минут. У нас теперь вошло в привычку смотреть на часы во время боя для определения продолжительности его...

Когда бомбардировка кончилась и самолеты скрывались, оставшиеся в живых население вышло из своих убежищ. Я не слышал ни одного крика, ни одного стога. Мы были так поражены, что не могли произнести ни слова. Через полчаса мы увидели перед собой развалины, достойные дань уважения. Только тогда все постигло ужасное то, что произошло. Была уже ночь, но Герника, отчаянная огнем, озаряла все окрестности. На дороге я увидел женщину, распростертую на земле. Рядом с ней лежал и хрипел ребенок лет шести. Я наклонился к нему, и бедный ребенок умер у меня на руках.

Я долгие бы продолжал путь и ехать в Марину. Была полночь, когда мы на обратном пути снова проезжали через Гернику. Тот же чудовищный пулеметный костер был перед нами. Огня, ягдла, были, оставшиеся без хозяев, ступили на дороге, наступали на трупы...

— Вот, — закончил аббат Зудуага, — я рассказываю вам то, что видел, рассказываю всю правду о разрушении Герники. Но я хочу сказать еще кое-что.

30 апреля утром, когда я прибыл на самолете в Биарриц с известным вам поручением, я тотчас взял парижскую правую газету и прочел там напечатанное черным по белому подробное описание того, «как дружинники и население положили Гернику прежде чем оставить ее и сдать неприятелю».

— В этот момент я понял одно: Франко, Мола, Кейло де Льяно — не только полные преступники и убийцы, но и ничтожные трусы и лжецы.

(ЮМАНТЕ).

Книга о борьбе испанского народа

Записки известного журналиста Фрэнка Питкэрна (корреспондента английской газеты, органа компартии «Дейли уоркер») на днях вышли в русском переводе в Партизате.

С неограниченным и все растущим вниманием следит весь мир за героической борьбой испанского народа. Вот что есть честное, прогрессивное и капиталистическое отношение к капиталистическим странам, не может не поднять свой голос протеста против политики вмешательства, превращающей в трагедию комический фарс.

Книга Питкэрна является не только самым горячим протестом против этой политики «нейтралитета», но и исключительным ярким, душевным, высокохудожественным очерком эпопеи гражданской войны в Испании.

Корреспондент Питкэрн об Испании — лучшее во всех отношениях, что дала английская печать о борьбе испанского народа.

Питкэрн — талантливый журналист, но он был в Испании не только как острый наблюдатель, он был передовым бойцом на фронте. Он прошел, пережил с испанским народом его героический, незавершенный еще путь борьбы. Поэтому так волнует

читателя его слово, так страстно и неподдельно его горячие чувства.

Корреспондент Питкэрна сыграл большую роль в движении солидарности и в той помощи, которую английские народные массы оказывали и оказывают испанскому народу.

Сотни передовых английских рабочих, солдат, студентов, фашизма на фронтах в Испании.

Здесь сказались вся огромная сила преданной горячей революционной агитации. И недавно английские народные массы с неограниченным энтузиазмом, что Фрэнку Питкэрну английские власти отказали в визе в Испанию.

Правда, испанских корреспондентов Питкэрна была неотразима, и реакционная буржуазия просто приобрела к себе власти, чтобы задушить эту правду, вписав один из самых позорных эпизодов в анналы официальной истории Англии.

Записки Питкэрна, издаваемые Партизатом, по материалу наполовину новая книга в сравнении с той, что вышла в Гослитиздате.

Книга сопровождается предисловием т. Г. Попова, генерального секретаря коммунистической партии Англии. Хорошо оформленная, тщательно отредактированная, книга эта является захватывающим документом очевидца о борьбе испанского народа против фашизма.

А. М.

Журнал посвящен Испании

На днях вышел специальный номер журнала «Смена», посвященный республиканской Испании.

В обращении к своему молодому читателю редакция указывает, что она ставила своей целью помочь ему разобраться в прошлом и настоящем этой великой страны, победоносно отражающей удары мирового фашизма. К участию в номере редакция сумела привлечь ряд выдающихся советских и иностранных писателей, ученых и журналистов, хорошо знающих Испанию или бывавших в ней.

В статье «Возрожденный народ» проф. Трагния дает краткий исторический обзор многовековой борьбы испанского народа за свою национальную независимость. Одному из наиболее напряженных моментов этой борьбы — героической защите Сарагосы против полчищ Наполеона в 1809—14 гг. — посвящен интересный очерк Тарте. Эти статьи дополняют содержательное описание сокровищ испанской культуры в статье Корсунского и затрагивающий ту же тему очерк Никулина «Наследники славы Испании».

О литературе республиканской Испании, представленной в журнале стихами и прозой Сесара Арконада, Рафаэля Альберти и Марии-Тересы Леон рассказывает Габинский; о самоотверженной испанской молодежи — Хоже Мартин; об авиации — Болтин, о прекрасных испанских художниках-мастерах — Диконский. Героическим людям испанского народа Хоже Диасу и Лине Олена посвящены очерки С. Осипова и Д. Лебедева.

Побывавший в Испании корреспондент «Комсомольской правды» Ю. Корольков в очерке «Виза Рунесса» описывает огромную популярность этих двух слов в испанском народе.

О такой же популярности лозунга «Виза Испания» в Советском Союзе рассказывает М. Гольдберг в очерке под тем же названием. О горячем любви к испанскому народу и восхищении его мужеством говорят также помещенные в журнале стихи Адале, Долматовского, Панченко.

Пятидесятилетие художественной деятельности В. Н. Мешкова

20 мая в Государственной Третьяковской галерее открывается выставка картин и рисунков заслуженного деятеля искусств В. Н. Мешкова, пятидесятилетие художественной деятельности которого исполняется в этом году.

Окончив весной 1937 г. Московское училище живописи, В. Н. Мешков вскоре стал принимать участие на выставках «передвижников».

В последние годы его картины экспонировались на выставках: «15 лет РККА», «15 лет советского искусства» и др.

На выставке в Третьяковской галерее будет представлено около 250 его работ.

Вечер памяти Ильи Чавчавадзе

НА ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ В ДОМЕ СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Илья Чавчавадзе — один из тех великих художников прошлого, которые наложили в историю своего народа, как стимулирующая сила, как могучий фактор культурного развития.

Конечно, и эту силу пытались сбросить со счетов всякие вульгаризаторы и явные враги народа, верные своей политике отрыва народных масс от наследия прошлых веков.

Но, как подчеркивали в своих выступлениях на вечере в ДСП (под председательством т. Лехути) ответственный секретарь правления ССП Грузия т. Жганти и старший грузинский драматург Шава Дадимани, все эти попытки были разоблачены. Илья Чавчавадзе пользуется искренней любовью читателей масс, его влияние ощущается и современной грузинской литературой.

Это — влияние могучего реалиста, гениально отрадившего жизнь и надежды своего народа, его национально-освободительные идеалы, беспощадно изобличившего колониально-крепостнический строй царизма и феодальную, реакционную природу вырождавшегося грузинского дворянства. Чавчавадзе создал литературный язык, на который опирается литература социалистической Грузии.

Илья Чавчавадзе был тонким, проникновенным лириком и вместе с тем одним из создателей современной прозы; блестящий журналист, чутко откликавшийся на актуальные проблемы современной ему действительности, путавший врагов своим полемическим дарованием, он немало сил отдал борьбе за создание национального грузинского театра, занимался популяризацией передовых научно-педагогических идей.

Этой многогранности Чавчавадзе, его умение жить интересами народа, ставить перед собой задачи огромных масштабов и уметь лучше всего представить советской грузинской литературе, желающей быть достойным продолжателем традиций Чавчавадзе, Орбелиани, Бараташвили и других классиков грузинской литературы.

Произведения Чавчавадзе читали на вечере народные артисты СССР В. Качалов, И. Момониди и О. Книппер-Чехова.

Чавчавадзе предстал пред аудиторией во всем блеске своего реалистического таланта. С особым интересом были выслушаны рассказы «Из записок проезжающего» и «Спенки в суде» в исполнении Качалова и Момониди.

Это произведение, полное пафоса, любви к своей родине, глубоких лирических раздумий, насыщенных социальным содержанием, и в то же время она поражает своей сатирической заостренностью, вставляющей воспоминание о манере Салтыкова-Щедрина.

Свое стихотворение памяти писателя прочел грузинский поэт Чинишидзе.

С переводом стихотворения Чавчавадзе выступили Дадимани и Шеринский.

Тепло был встречен узбекский поэт Хамид Алимджан, приветствовавший грузинскую и русскую литературную общественность от имени участников узбекской декады в Москве.

Я. Р.

НОВЫЕ ЭКСПОНАТЫ ПУШКИНСКОЙ ВЫСТАВКИ

Всесоюзная пушкинская выставка продолжает пополняться новыми экспонатами.

Недавно выставка приобрела новые архивные документы.

Среди них наиболее интересны Пушкин автограф стихотворения Пушкина «Деревья», автограф стихотворения Лермонтова «На смерть поэта», подлинник прошения Пушкина об отставке 1824 года, «Дело о нападении на отставного чиновника Пушкина 1829—1833 гг.», дело о выдании мажорантской должности в Казань в 1821—1822 годах, где упоминается фамилия Пушкина, подлинник допроса Пугачева и ряд других документов.

Отдел выставки Пушкина и мировой литературы пополнен вновь полученными материалами, свидетельствующими об огромном размахе юбилейных пушкинских торжеств за рубежом.

В двенадцатом зале выставлены многочисленные специальные номера газет и журналов, посвященных Пушкину, афиши, объявления, приглашения, билеты, полученные из Франции, Англии, Америки, Чехословакии, Турции и других стран.

В четвертом зале юбилейный отдел пополнен вновь поступившими материалами, рисующими различные моменты проведения пушкинских юбилейных торжеств в Советском Союзе.

В отделе «Пушкин на языках народов СССР» включено дело о нападении палача на татарском языке сказку Пушкина о попе и работнике Балды (1902 г.).

Новыми материалами пополнен и зал детского творчества.

Здесь наибольший интерес вызывает прекрасно сделанный магнит, изображающий комнату графини в «Пиковой даме» работы ученика Х. класса Жукова.

Выставка продолжает собирать новые материалы, отражающие изучение Пушкина и интерес к его творчеству народов Советского Союза.

На заседании партгруппы Правления ССП

Клуб азербайджанской троцкистской литературы в литературе продолжает развиваться. Новые и новые факты воспринимались в ходе обсуждения всех вопросов и лиц, связанных со всей той гнусной борьбой против партии, которую вели азербайджанцы.

Вчера партгруппа правления союза советских писателей занималась еще одной «фигурой» — двоиником Киришова — Афимовичем.

В выступлениях Фадеева, Юдина, Киришова, Лехути и др. этот активный участник антипартийного троцкистского литературного центра был подвергнут мощному разоблачению.

Он организовывал сопротивление партийной линии в литературе, борясь против Оргкомитета и добиваясь возвращения Авербаха в литературу. Он участвовал во всех мажорантских азербайджанских группах. Он в журнале «Театр и драматургия» был принят при этом враге народа Пикале, где похвалялись Зояна и Крута, проводили азербайджанскую линию — рекламировали Киришова, выступали за защиту так называемого МХАТ второго вопреки ясным указаниям партии.

Вся деятельность Афимовича, все его поведение, включая последние выступления за социализм московских драматургов, показывают, что он только потому не может быть назван перерожденцем, что он всегда был глубоко чужим партиям человеком.

Партгруппа единогласно решила отозвать перед партбюро Афимовича.

УКРАИНСКИЕ ПОЭТЫ В ЛЕНИНГРАДЕ

(От нашего корреспондента)

Украинские поэты (М. Бажан, С. Голубовский, И. Кулик, А. Малишко, И. Муратов, Л. Первомайский, М. Рыльский и М. Терещенко) прибыли в Ленинград восемь дней. Ежедневно в клуб, домах культуры, вузах, военных академиях и школах проводились вечера украинской поэзии. Выступали поэты Украины и их ленинградские переводчики: А. Прокофьев, М. Комиссаров, Н. Браун, П. Саломея, А. Ревтов, Е. Коломийца и А. Мриенко. Вечера проходили с огромным успехом. Вечером поэты Украины устраивали шумные овации. В знаменитой школе вечер закончился коллективным пением всего зала «Песня о Сталине» (слова М. Рыльского).

В день отъезда из Ленинграда ук-

раинские поэты приняли участие в заседании президиума ЛенССП, посвященном работе ленинградских изданий «Антологией украинской поэзии».

Подробно останавливаясь на работе изданий «Антологией украинской поэзии», т. Бажан рассказывает о том, как бывший руководитель ССП СССР, ныне разоблаченный троцкист Сентенко, и его приспешники делали все возможное, чтобы помешать этой работе.

Л. Первомайский рассказывает о решении назвать на украинском языке четырехтомную антологию русской поэзии — часть большой «Библиотеки поэта», которая начнет выходить на Украине с 1933 года.

М. Тихонов выразил удовлетворение крепнущей творческой дружбе поэтов Украины и Ленинграда.

Завтра в Москве начинается декада узбекского искусства

ПИСАТЕЛИ —
УЧАСТНИКИ ДЕКАДЫКУРБАН БЕРЕГИН
Заведующий отделом культпросветработы ЦК КП(б) УзбекистанаМузыкальное искусство
социалистического УзбекистанаЯШИН-НУГМАНОВ — один из
видных драматургов Узбекиста-
на. Основой автор музыкальной
пьесы «Гольсара».УЙГУН — поэт. Пишет 10 лет.
Выпущено три сборника его сти-
хов. Автор поэмы «Джамемири».АЙБЕК — поэт-лирик, автор 10
сборников стихов и ряда рассу-
зов. Особенно выделяется его по-
эма «Дилбар давер кизи». Пи-
шет с 1921 г.АБДУЛЛА НАХАРОВ — вид-
ный прозаик. Получил вторую
республиканскую премию за ро-
ман «Мираж». Перевел на узбек-
ский язык «Напитанскую дочку»
Пушкина, несколько рассказов
Чехова, Горького и др.АЙДИН САБИРОВА — поэтесса.
Ею написаны 3 сборника стихов
и сборник рассказов.ЗИНАТ ФАТХУЛЛИН — драма-
тург. Его пьесы «Масна сорван-
ка» и «Истина» поставлены госу-
дарственным драматическим теат-
ром им. Хамзы. К XX-летию Ок-
тября закончил новую пьесу.До революции узбекский народ не
имел своего театра. Он и мечтать о
нем не мог.Узбекский народ, как и другие на-
циональности старой России, нахо-
дился под двойным гнетом: с одной
стороны его душил российский па-
ризм, с другой — собственная бур-
жуазия.Богатейшее, неисчерпаемое творче-
ство народа было в заоне, лежало
под спудом.Великая Пролетарская Революция
раскрепостила богатый творче-
скими дарованиями узбекский на-
род и открыла перед ним неисчерпае-
мые возможности на пути к овладе-
нию высшими искусствами во всех его
проявлениях.Одним из доказательств мощного
культурного развития узбекского на-
рода и его достижений в области ис-
кусства является декада узбекского
искусства в Москве.Правильная ленинско-сталинская
национальная политика дала нам
возможность создать свой театр.Музыкальный театр им. Акмата
Хиромова — сравнительно молодой
художественный организм. Он суще-
ствует с 1930 года. Подавляющее
большинство его работников — со-
ветская молодежь послевоенного
поколения.Театр возник и художественно вы-
рос при непосредственной помощи
передовых русских театров, богатей-
шие художественные достижения ко-торых оказали на него свое благо-
творное творческое влияние.
Использовал театр, разумеется, и
достижения искусства в братских
республиках — на Украине, в Гру-
зии, Белоруссии, Азербайджане и
многих других.Свои выступления в Москве и му-
зыкальный театр и все участвующие
в нем художественные коллектив-
ны Узбекистана рассматривают, как
большую школу для своего дальней-
шего творческого развития, как воз-
можность получить критику и ука-
зания, без которых дальнейшее по-
ступательное движение искусства не-
возможно.С другой стороны, декада — это
смотра наших достижений, наш отчет
партии и правительству.Музыкальный театр выступит в
Москве с двумя пьесами: «Гольсара»
и «Фархад и Ширин».Музыкальная пьеса «Гольсара»,
текст которой написал драматург
Яшин и Мухамедов, отобра-
жает борьбу трудящихся Узбекиста-
на за раскрепощение женщины и
достижение ею равноправия на всех
участках социалистического строи-
тельства.Музыка «Гольсара» воплотила в
себе классические и народные узбек-
ские мелодии, собранные и частично
обработанные заслуженным масте-
ром композитором Тохтасином
Джалиловым.До нынешней постановки музы-
кальное сопровождение пьес шло в
исполнении национального оркестра
(дудар, тамбур, гуджак, чанг и др.).
Сейчас спектакль идет уже в сопро-
вождении симфонического оркестра.
Это музыкальная драма, музыку ко-
торой обработал и оркестровал на-
родный артист РСФСР, известный
композитор Р. М. Глиэр, приложив-
ший много творческих усилий для
сохранения ее национального коло-
рита.Трудящиеся Узбекистана постави-
ли перед собой задачу создания опе-
ры в настоящем смысле этого слова.
Кадр для большого оперного те-
атра готовится в Москве, в специаль-
но организованной при Московской
консерватории узбекской оперной
студии, которой руководят лучшие
московские профессора.Выпускники студии оставят ос-
новное ядро будущего оперного те-
атра.Вторая постановка Музыкального
театра «Фархад и Ширин» — поэма
узбекского поэта-классика Навая.
В основу поэмы была положена очень
популярная и любимая узбекским на-
родом легенда.Музыка к пьесе «Фархад и Ширин»
построена на классических и народ-
ных мелодиях. Оркестрована она за-
служенным мастером искусства Уз-
бекистана профессором Успенским.Ведущие роли в спектаклях испол-
няют: заслуженная артистка респу-
блики Халима Насирова, Карим Заки-
ров, Бобархам Мирзаев, народный
артист республики Кари Якубов, Шиф-
фи Ханум Саримсакова и др.В музыкальных пьесах артисту бу-
дет показан и балет — националь-
ные танцы, которыми так славится
наш народ. Исполнительницы — на-
родная артистка республики Тамара
Ханум, Мукарама Тургулбаева, Разия
Каримова, Акилова и др.«Гольсара» поставил художествен-
ный руководитель и главный режис-
сер Узбекского музыкального театра
Т. Музафар Мухамедов. Режиссер
спектакля — заслуженная артистка
Махсума-Ханум Кариева, дирижер —
Т. Глубин.Постановщик пьесы «Фархад и
Ширин» — Юнгвальд-Хилькевич, ре-
жиссер — народный артист респу-
блики Абрам Хидятов, дирижер —
Мухтар Ашрафи. Танцы поставлены
героем труда заслуженным деятелем
искусств, известным бубнистом Уста
Алимом и народной артисткой респу-
блики Тамарой Ханум.Выступления во время декады
новый созданный Узбекской госуда-
рственной филармонией также являют-
ся одним из значительнейших мо-
ментов показа нашего искусства. Фи-
лармония, руководимая народным
артистом республики орденосносцемПИСАТЕЛИ —
УЧАСТНИКИ ДЕКАДЫБЕРЕГИН КУРБАН — заведую-
щий отделом культпросветрабо-
ты ЦК КП(б) Узбекистана, один
из руководителей литературного
движения в Узбекской ССР.ХАМИД АЛИМДЖАН — поэт,
автор пяти сборников стихов.
Перевел на узбекский язык «Ру-
сальку» и «Навазского пленника»
Пушкина, «Нак запальлась
ста» Островского.ЗЛЫБЕК ЮНУСОВ — старейший
поэт Узбекистана. Издано 10
сборников его стихов и несколько
сборников рассказов. Его поэзия о
тов. Сталине будет исполнена уз-
бекской филармонией во время
декады.АННАБАЙ — драматург-иритик.
Автор пьесы «Шадман». Нада-
но закончил пьесу «Арман».УСМАН НАСИР — молодой по-
эт, автор четырех сборников сти-
хов. Перевел на узбекский язык
«Бахчисарайский фонтан» Пуш-
кина и «Демона» Лермонтова.САБИР АБДУЛЛА — поэт и дра-
матург, автор пьесы «Бадган
кыз» («Дочь саденики»).

ВИКТОР ГУСЕВ

Сверкающее
искусствоДва года назад я видел в Ташкен-
те спектакль узбекского музыкаль-
ного театра имени Хамзы, наслаж-
авшись высоким мастерством Халимы
Насировой, Тамары Ханум, Кари
Якубова, Уста Алима.Трогательная любовь Ширин, стра-
дания Фархада, горе и радость Голь-
сары, красочные краски древнего ска-
зания и радости тайны колдовских
сил — все это неизгладимо осто-
яло в памяти. Я встречусь теперь с пер-
сонажами и исполнителями «Гольса-
ры» и «Фархад и Ширин», как со ста-
рыми друзьями.Эти два года не прошли даром. Уз-
бекские товарищи много и плодотвор-
но работали.Богатство фольклора, красоту на-
родных мелодий они умножают на
высокое профессиональное масте-
рство.Народный артист РСФСР и АССР
Глиэр вкладывает свой талант и свой
опыт в оркестровку музыки «Голь-
сары».Мастера узбекского академического
театра имени Хамзы помогают своим
товарищам из Музыкального театра
создавать свой спектакль. Создают
новые, обогащенные опытом и
мастерством, варианты пьес.Из «Ичкардильи» возникает «Голь-
сара». Подготовкой к декладе пре-
вращается в своеобразный университет,
и огромный и радостный коллектив-
ный труд всех мастеров искусства
советского Узбекистана.В колхозах Ферганы, в лагерях уз-
бекской дивизии я изучал народное
творчество Узбекистана. В песнях и
плясках отражалась радость страны,
колхозные хоры и оркестры цели о
хлопке, о культуре, о партии, о Ста-
лине.Москва знает и любит мастеров
хлопка. Москвитяне андировали вме-
сте со всей страной, когда лучшим
на них были вручены ордена.Теперь Москва увидит их радост-
ное, сверкающее искусство.У каждого из нас в нашем Совет-
ском Союзе есть особые любимые ме-
ста.Для меня одним из таких особо
любимых краев советской земли яв-
ляется Узбекистан. В эти дни я чув-
ствую себя именителем.Я радуюсь, что мои московские
друзья, моя Москва увидит и полюб-
ит замечательное искусство моих
узбекских друзей, моего Узбекистана.ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА УЗБЕКИСТАНА
В 1936 ГОДУВ прошлом году в советском Уз-
бекистане было издано 50 названий
художественной литературы. Из них
29 книг оригинальных и 21 книга
переводных художественных произ-
ведений. Главное место среди худо-
жественной литературы на узбекском
языке занимают поэтические произ-
ведения.Переводы на узбекский язык были
сделаны преимущественно с русского
языка — 17 названий (среды них 6
детских), с таджикского — 2 назва-
ния, с западно-европейских языков
— 1 название, с китайского — 1 на-
звание.Виднейшим событием явилось пе-
ревод на узбекский язык произве-
дений А. С. Пушкина, выполненные
талантливыми и писателями Уз-
бекистана. Переводы «Евгений Оне-
гин», «Борис Годунов», «Напитанская
дочка», «Бахчисарайский фонтан»
и др.Коллектив из 23 поэтов и писате-
лей Узбекистана пригласил к изда-
нию сборник очерков и поэм об ор-
деноносцах социалистического хлопо-
водства.С узбекского на русский язык в
1936 г. были переведены 2 книги, на
казахский — 1 книга, на уйгурский
— 2 книги.В том же 1936 г. на русском язы-
ке выпущено 7 книг журнала «Лите-
ратурный Узбекистан» (орган союза
советских писателей Узбекистана), в
котором были напечатаны главным
образом переводы лучших произведе-
ний узбекских писателей.Неиссякаемая
сокровищницаБеседа с начальником Управления по делам искусств при СНК Узбекистана
тов. Я. Г. Горбуновым— Прошлое узбекского народа —
это мрачные страницы угнетения уз-
беков бесчисленными завоевателями
— греками, китайцами, ирански-
ми и др., не говоря уже о российских.
Они жестоко подавляли рост и раз-
витие местной национальной куль-
туры.

Но велик был гений народа.

Под воздействием культур раз-
личных народов развивалось иску-
ство узбекского народа.Глубокое прошлое его дошло до нас
в виде различных памятников мо-
нументальной архитектуры, прямой по
своей расцветке и техническому
совершенству керамики, тонкой ажур-
ной резьбы по дереву, каменным
созданиям и т. п.Названный узбекскому народу
арабскими завоевателями ислам за-
прещал изображение человека, за-
прещал народные песни и пляски,
считая их бесовским наваждением.
Ислам разрешал народу лишь рели-
гиозные песнопения и кинишские
закрилы (радения).Не было на Востоке более презре-
ваемой профессии, нежели народных
линей.Царские колонизаторы также же-
стоко подавляли всякое проявление
народного творчества и всякие попы-
тки создать узбекский театр.

В колониальном Туркестане, где

широко было охвачено не более
15 проц. местного населения, есте-
ственно не могли развиваться куль-
тура, наука, искусство.Великая социалистическая револю-
ция резкой гранью отделила мрач-
ное прошлое узбекского народа от его
светлого, радостного настоящего.Последовательно проводимая под
руководством гениального вождя на-
родов товарища Сталина ленинско-
сталинская национальная политика
обеспечила бурный расцвет культу-
ры и искусства узбекского народа,
которое засверкало всеми своими
ошелюпительными гранями.Достаточно сказать, что сейчас в
Узбекистане более 50 театров, бо-
льшая сеть кинотеатров и радиоус-
тановок.

Развивается изобразительное.

Переведены на язык народов Уз-
бекистана гениальные произведения
Пушкина, Гоголя, Толстого, Горького,
Барбюса, Маяковского и других.Герои Шекспира, Шиллера, Горько-
го, Пушкина, Лопе де Вега, Мольера,
Гольдони стали достоянием узбек-
ского артиста.Созданы пьесы национальных дра-
матургов на узбекском материале.Выпускает свои первые звуковыс-
сыльные узбекская кинопровишлен-
ность.

ВИК. АФАНАСЬЕВ

Узбекское народное
творчествоУспехи последних лет в строитель-
стве социализма в нашей стране не
могли не найти своего отражения в
устном народном творчестве. Стихи,
посвященные любимому вождю на-
родов и страны товарищу Сталину, рас-певают сейчас и в горах Кавказа, и
в дальневосточной тайге, и в казах-
ских степях.Есть они и у узбеков. Одну из та-
ких песен мы привелим здесь.

Помещаем также старую сказку.

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Кто новые рынки

Для хлопка нам прорыл? — Сталин!

Кто колхозы создал,

Мула и баяв выгнав? — Сталин!

Кто пустил на поля

Табуны коней железных? — Сталин!

Кто пустил на небо

Кто пустил на небо

Птицы стаям среброкрылым?

Кто всех вдов и сирот

Накормил и приютил? — Сталин!

Кто нам милее и дороже

Солнца, воздуха и хлеба? — Сталин!

Зависело в кишлак

Дарит со слов ЗАКИ-

РА АЛИМДЖАНОВА

СКАЗКА О ДВУХ БРАТЬЯХ

У престарелых родителей было два
сына — Юсуп и Турсун. Когда они
выросли, отец и говорит им:— Пошли вы, детки, в город.
Может быть подработаете там что-
нибудь, тогда и нас стариков вспо-
можете.Вот и пошли Юсуп и Турсун в го-
род. По дороге они догнали одного
старика. Бедняга спорился весь под
тяжестью мешка с князком, который
он собрал по дорогам для топления.

Юсуп и говорит брату:

— Давай поможем старику.

— Очень радо, — отвечает Турсун, —
и так устал.Тогда Юсуп один взял у старика
мешок, и пошел один дальше вперед.
Юсуп даже песню запел. Пошли к
жилине старика. Тот и говорит:— Спасибо вам большое, молодые
люди, за помощь старику, за все-
общее общество. Зайдите в жилище,
возьмите себе в награду, что вам по-
нарявится.— Что у тебя, ничего, может быть
кроме мешка да блох. — Засмеялся
Турсун и пошел мимо жилища ста-
рика.Юсуп же не захотел обидеть
приглашавшего старика, и хотя не
надеялся на то, что получит ценный
подарок, все же вошел в жилище.— Ну, спасибо тебе еще раз, —
сказал старик Юсупу. — А теперь
иди, у меня два сундука со всем
моим богатством, выбери любой из
них.Посмотрел Юсуп, видит — в одном
сундуке золотые монеты, а в другомученые книги лежат. И выбрал он
себе второй сундук.— Вижу я, что ты не только доб-
рый, но и умный при том, деньги
быстро улетят, а знания, которые ты
получишь из книг, всегда при тебе
будут.Взял Юсуп сундук, поблагодарил
старика, и побежал догонять брата.
Тот, конечно, удивился очень рас-
сказу Юсупа, а когда узнал, что у
старика остался сундук с золотыми
денгами, побежал скорее назад. Че-
рез некоторое время радостный он
вернулся и брату своему ашагаля в
город. Идут они, и хитро тяжело Юсу-
пу, а все же рад он книгам. Гадает
и Турсун, все подслушивает, сун-
дук потирает, слушает, как золо-
то там позванивает.Пришли они, наконец, в город, за-
шли в чайхану, чай заказали. Рас-
крыл Юсуп свой сундук, книги вы-
нимает, рассматривает их. Одна дру-
гой интереснее.Раскрыл сундук и Турсун, за так
и обомлел. Полным полно в сунду-
ке было навозу, а сверху два яры-
ных гвоздя лежало. Он-то и гре-
шил, а Турсун думал, что золото звенит.Так назаван был он за жадность
и невежество, а Юсуп, начитав-
шись ученых книг, стал очень умным
и все его уважали.

Легенсо со слов ИГМ-

БЕГДЫ ДЖУМАНАЗА-

РОВА, узбек-а, рабочего

хлопководческого за-
вода в Ленинграде.ХРОНИКА
ДЕКАДЫ★ Первый спектакль Музыкаль-
ного театра Узбекистана состоится за-
втра в филале Большого театра.Идет музыкальная драма «Гольсара»
— Яшин (Нугманов) и Музафара
Мухамедов. Музыка к спектаклю со-
здана на различных узбекских мело-
дах заслуженным деятелем искусств
Узбекистана Т. Мухамедовым.Обработка и оркестровка музы-
ки для симфонического оркестра при-
надлежат народному артисту РСФСР
композитору Р. М. Глиэру.

«Гольсара» повторится 22 мая.

23 мая будет показана вторая по-
становка Музыкального театра —
«Фархад и Ширин». Либретто напи-
сано узбекским поэтом Хуршид, му-
зыкальная композиция заслуженного
деятели искусств Узбекистана про-
фессора Успенского, инструментовка
В. Чигельфа. Ставит спектакль
О. Юнгвальд-Хилькевич. Режиссер —
народный артист республики Абрам
Хидятов.Роль Ширин исполняет заслужен-
ная артистка республики Халима
Насирова, роль Фархада — Карим
Закиров.★ В декладе примет участие группа
народных сценаристов и сатириков во
главе с Т. Юсупджаном-Измам.★ «Узбекфильм» прислал в Моск-
ву первую звуковую картину «Пля-
жа». Режиссер — Т. Усольцев, сценар-
ист — Т. Кудрявцев.★ В двух фойе филала Большого
театра будет развернута выставка
узбекского искусства, которая отра-
жает все многообразие богатейшего на-
родного творчества Узбекистана.В числе интереснейших экспонатов
— портрет популярного узбекского
поэта и философа XV века Навая,
сделанный советским художником со
старинной миниатюры, и его рукопи-
сы с рисунками к ним.Выставка будет открыта в атриа-
лах во время спектаклей.★ Музгиз выпускает сборники от-
рывков из узбекских музыкальных
пьес «Фархад и Ширин» и «Гольса-
ра». В сборниках будут даны отдель-
ные арии, речитативы и хоры. Текст
будет напечатан на русском и узбек-
ском языках. Перевод текста на рус-
ский язык сделал В. Бугаевский и
Я. Родионович.Намечено также издание сборника
узбекских народных песен.

Т. АРУНЯН

Дарбаз

Утренний воздух режет призывные
мелодии сурнаев, мощные звуки кар-
на и ритмичная дробь барабана.
Со всех кварталов города, со всех
прилегающих к городу кишлаков на
этот призыв спешат стар и млад,
мужчины и женщины, взрослые и
дети.Все уже знают, что на базарной
площади сегодня предстоит одно из
любимейших народных зрелищ уз-
беков — выступление дарбаза.Вскоре базарная площадь напои-
тся доотказа. На земле, на помо-
стах чайхан, на террасах, на плоских
крышах, даже на деревьях — всю-
ду, где только можно уместиться, си-
дят зрители в ожидании выхода дар-
база.Дарбаз — это канатоходец. Но ме-
жду ним и обычными канатоходцами
европейских цирков большая разни-
ца. Впрочем, о нем мы скажем не-
много ниже, а пока необходимо пона-
комиться со вторым действующим
лицом этого народного зрелища.До выхода дарбаза, в промежутке
между музыкальными номерами, ино-
гда даже оговорено о нем, на
использовании арены работает
аскиябаз — острок-скокорок.В доореволюционное время аския-
базы вло и остро шутили над баяи,
нишанами, ростовщиками и даже над
тогдашними правителями — ханами
и его визирями. Их экспромты обле-
тали всю округу.Один аскиябаз буквально унич-
жил тапхентского хана. Его песня
«Баяги» — курьезный опус (про-
звище, данное этому хану) — распе-
валась по всей территории ханства.Другой хан — кокандский — по-
лучил от аскиябаза прозвище «пу-
стак» — «ослиная кожа».Но вот карна и сурнаев возве-
шают о начале выступления дарбаза.По пятачку наклонному канату
дарбаз поднимается на высокую ма-
ту, расцвеченную блестящими, бусами
и разноцветными лентами.На высоте 30 метров дарбаз ступа-
ет на площадку. Веселый смех зри-
телей от острот аскиябаза сменяется
напряженным вниманием: все взоры
устраиваются вверх, все молча набо-
дятся на рисованном канате — мастера
каната — дарбаза.Выступление дарбаза продолжа-
ется почти весь день. Зрители руко-
плещут смелому, граци

Е. УСИЕВИЧ

«Огненный путь»

Книга Л. Аргутинской «Огненный путь» прошла мимо внимания профессиональной критики. Единственный «критический» отзыв на нее появился в «Рабочей Москве» в виде личной рецензии И. Рабова под названием «Гимназия на фронте».

На протяжении каких-нибудь ста двадцати строк автор рецензии выносит о книге ряд совершенно убийственных и безапелляционных суждений. Для начала, героиня романа, от лица которой ведется повествование, обречена гимназисткой. На этом основании объявляется нелепостью весь процесс ее перевоплощения в ходе гражданской войны в подлинную революционерку. И Рабова точно известно, что молодые девушки, окончившие гимназии, ничем кроме мечаний быть не могут. В дальнейшем автор объясняет в том, что якобы эту гимназистку ставит «примером не только для бойцов, но и для красных коммюнистов». Далее следует уже прямое обвинение в клеветническом изображении красных коммюнистов:

«У боевого командира Борового... И. Аргутинской, — в глазах «неблагородной тоски», о которой он борется морфем. Коммюнар Горев в лические минуты скорбит о неудавшейся личной жизни и попутно влюбляется в Нику. А командир отряда Зеленой и вовсе оказался в плену личного инстинкта. У него в отряде появилась девушка Настя, которая целыми днями валилась в теплую и бречка на гитару, которую ей привез Зеленой. К Зеленому приезжает жена с детьми. Она опыляет мужа и Настю упреками. И вот Зеленой на глазах своего сына двумя выстрелами убивает жену».

«Героиня рвется к себе, своим выдохом, своим поведением».

«Сцену романа сугубо натуралистично».

Словом, книга осуждена коротко, решительно и безапелляционно грубо. Другой вопрос — насколько внимательно она была прочитана автором рецензии перед тем, как сделать столь безнадзорные выводы. Об этом можно судить хотя бы по тому, что носит «необычайную тоску» в глазах и борется с ней морфем вовсе не командир Боровой, коммунист, который изображен в книге в очень теплых тонах, а командир Мирошниченко, фигура явно сомнительная и в последующих частях романа оказавшаяся подосланным в отряд белым офицером.

Коммюнар Горев, прекрасный болельщик, чуткий и внимательный товарищ, под влиянием которого растут и становятся большевиками попавшие в его отряд революционные инстинкты, но мало разбирающиеся в политической обстановке, молодые сестры, действительно как-то раз, в тяжелую минуту рассказывает о своем прошлом, о неудавшейся личной жизни, о где-то оставшемся ребенке, о котором он не может даже узнать, жив ли он. Горев действительно привязывается к героине романа — Нице. В романе показано, как мужественно этот человек борется со своим чувством, как по-товарищески относится он к отбегнувшей его любимой девушке.

И. Рабова, повидимому, считает, что фхарактеризован большевиком, да еще на фронте, также и с этой его стороны, — дело совсем нужное и гимназическое. Другое дело, если бы речь шла о семейном романе. Тут большевик должен был бы всячески показывать «метоприанность», говорить необыкновенно лирические речи, ухаживать девушкой, гладить по головке всех окружающих детей. В производственном романе в круг обязанностей большевика входит бы «гореть на работе», «забывать о семье» и, умирая на последних страницах, шепнуть «холодеющим губами... Как у нас развиваются стихающиеся движенья? Но большевик, который по фронтовой обстановке («оборонный роман») в свободную минуту вспоминает с заботой и болью о своем покинутом ребенке, — такая

бестактность может прийти в голову только тем, кто гимназистка и должна быть немедленно разоблачена как клевета.

Л. Аргутинская правдиво и просто, без выкрутасов и потуг на так называемую «художественность» изображает путь молодой девушки, честной, искренне сочувствующей человеческим страданиям, но совершенно не разбирающейся в политической обстановке, которая из простых гуманных побуждений пошла сестрой в отряд Красной гвардии, и дальнейший ее рост в процессе революции. Мы видим влияние, которое оказывают на нее среда бойцов революции, обладающая тем, чего у Ницы не было — сознательная классовая ненависть. И видим, как эти обладатели классового ненавистия люди, которые она сначала считала гораздо более грубыми и уж во всяком случае менее культурными, чем сама она, учат ее подлинной революционной гуманности, как под влиянием их, в огне борьбы, она из наивной и метафизической, движимой неопределенными революционными настроениями девочки, вырастает в сознательную и стойкую революционерку. Мы видим, наконец, правильно переданную, сложную и противоречивую обстановку первых месяцев Октябрьской революции.

В частности очень интересен и правдив как раз образ командира Зеленой. Это человек искренне революционный настроения и темперамента. Он умеет по-настоящему товарищески относиться к бойцам своего отряда. Он смел, находчив и полон самоотверженности в боях и пользуется, благодаря всему этому, заслуженной любовью и доверием своего отряда. И вот этого человека приводит к преступлению, к преступлению в боевой обстановке, его, унаследованное от собственного буржуазного общества, грубо-примитивное отношение к женщине. Случай очень типичный в первый период революции и имевший значение для целого времени. Но что до этого рецензента, который поставил себе единственной целью разругать книгу, выставив «гимназистку»? По его мнению, такой случай можно изобразить в романе только с одной целью — чтобы порисоваться собственной добротой и показать свое превосходство перед героическим командиром. Менее приличивый, но более квалифицированный критик Л. Аргутинской — Алексей Максимович Горький подошел к этому вопросу несколько иначе. «К чести Вашей: — писал он в письме к Л. Аргутинской по поводу ее рукописи, — Зеленой застрелил жену — дело скверное. Вы женщина, спрятали свое возмущение этим убийством, показав, как его осудили другие товарищи. Это правильно. Другой или другая на Вашем месте обязательно прислали бы к этому факту массу ненужных и пустых слов».

Коммюнар Горев, прекрасный болельщик, чуткий и внимательный товарищ, под влиянием которого растут и становятся большевиками попавшие в его отряд революционные инстинкты, но мало разбирающиеся в политической обстановке, молодые сестры, действительно как-то раз, в тяжелую минуту рассказывает о своем прошлом, о неудавшейся личной жизни, о где-то оставшемся ребенке, о котором он не может даже узнать, жив ли он. Горев действительно привязывается к героине романа — Нице. В романе показано, как мужественно этот человек борется со своим чувством, как по-товарищески относится он к отбегнувшей его любимой девушке.

И. Рабова, повидимому, считает, что фхарактеризован большевиком, да еще на фронте, также и с этой его стороны, — дело совсем нужное и гимназическое. Другое дело, если бы речь шла о семейном романе. Тут большевик должен был бы всячески показывать «метоприанность», говорить необыкновенно лирические речи, ухаживать девушкой, гладить по головке всех окружающих детей. В производственном романе в круг обязанностей большевика входит бы «гореть на работе», «забывать о семье» и, умирая на последних страницах, шепнуть «холодеющим губами... Как у нас развиваются стихающиеся движенья? Но большевик, который по фронтовой обстановке («оборонный роман») в свободную минуту вспоминает с заботой и болью о своем покинутом ребенке, — такая

бестактность может прийти в голову только тем, кто гимназистка и должна быть немедленно разоблачена как клевета.

Л. Аргутинская правдиво и просто, без выкрутасов и потуг на так называемую «художественность» изображает путь молодой девушки, честной, искренне сочувствующей человеческим страданиям, но совершенно не разбирающейся в политической обстановке, которая из простых гуманных побуждений пошла сестрой в отряд Красной гвардии, и дальнейший ее рост в процессе революции. Мы видим влияние, которое оказывают на нее среда бойцов революции, обладающая тем, чего у Ницы не было — сознательная классовая ненависть. И видим, как эти обладатели классового ненавистия люди, которые она сначала считала гораздо более грубыми и уж во всяком случае менее культурными, чем сама она, учат ее подлинной революционной гуманности, как под влиянием их, в огне борьбы, она из наивной и метафизической, движимой неопределенными революционными настроениями девочки, вырастает в сознательную и стойкую революционерку. Мы видим, наконец, правильно переданную, сложную и противоречивую обстановку первых месяцев Октябрьской революции.

В частности очень интересен и правдив как раз образ командира Зеленой. Это человек искренне революционный настроения и темперамента. Он умеет по-настоящему товарищески относиться к бойцам своего отряда. Он смел, находчив и полон самоотверженности в боях и пользуется, благодаря всему этому, заслуженной любовью и доверием своего отряда. И вот этого человека приводит к преступлению, к преступлению в боевой обстановке, его, унаследованное от собственного буржуазного общества, грубо-примитивное отношение к женщине. Случай очень типичный в первый период революции и имевший значение для целого времени. Но что до этого рецензента, который поставил себе единственной целью разругать книгу, выставив «гимназистку»? По его мнению, такой случай можно изобразить в романе только с одной целью — чтобы порисоваться собственной добротой и показать свое превосходство перед героическим командиром. Менее приличивый, но более квалифицированный критик Л. Аргутинской — Алексей Максимович Горький подошел к этому вопросу несколько иначе. «К чести Вашей: — писал он в письме к Л. Аргутинской по поводу ее рукописи, — Зеленой застрелил жену — дело скверное. Вы женщина, спрятали свое возмущение этим убийством, показав, как его осудили другие товарищи. Это правильно. Другой или другая на Вашем месте обязательно прислали бы к этому факту массу ненужных и пустых слов».

Коммюнар Горев, прекрасный болельщик, чуткий и внимательный товарищ, под влиянием которого растут и становятся большевиками попавшие в его отряд революционные инстинкты, но мало разбирающиеся в политической обстановке, молодые сестры, действительно как-то раз, в тяжелую минуту рассказывает о своем прошлом, о неудавшейся личной жизни, о где-то оставшемся ребенке, о котором он не может даже узнать, жив ли он. Горев действительно привязывается к героине романа — Нице. В романе показано, как мужественно этот человек борется со своим чувством, как по-товарищески относится он к отбегнувшей его любимой девушке.

И. Рабова, повидимому, считает, что фхарактеризован большевиком, да еще на фронте, также и с этой его стороны, — дело совсем нужное и гимназическое. Другое дело, если бы речь шла о семейном романе. Тут большевик должен был бы всячески показывать «метоприанность», говорить необыкновенно лирические речи, ухаживать девушкой, гладить по головке всех окружающих детей. В производственном романе в круг обязанностей большевика входит бы «гореть на работе», «забывать о семье» и, умирая на последних страницах, шепнуть «холодеющим губами... Как у нас развиваются стихающиеся движенья? Но большевик, который по фронтовой обстановке («оборонный роман») в свободную минуту вспоминает с заботой и болью о своем покинутом ребенке, — такая

бестактность может прийти в голову только тем, кто гимназистка и должна быть немедленно разоблачена как клевета.

Там, где И. Рабова видит рисовку и любовные сцены, Алексей Максимович, находил прямо противоположное — стремление спрятать, затупить собственные чувства и мысли, показывая моральную высоту революционных бойцов.

«Мне Ваша книга понравилась, — пишет Алексей Максимович в другом месте того же письма, — написано просто, почти без фокусов словесных, без той противной литературщины, которая, к сожалению, все больше составляет нашу молодежь».

«К достоинствам работы Вашей относится то, что хотя Вы пишете от первого лица, но Ваше «я» не очень вылезает на первый план. Это говорит о том, что Вы уважаете Ваш материал и что Вы сознаете равенство с людьми — искренно, что историческое значение героев, ваших товарищей Ваших, Вами хорошо понято».

Как видит читатель, расхождения в оценке книги между двумя критиками, а не Горьким, с одной стороны, и И. Рабовым, с другой — довольно незначительны.

При этом вряд ли, конечно, кто-либо предположит, что это расхождение получило известие о том, что М. Горький подошел к литературе менее требовательно, с менее высокими критериями, чем И. Рабова. Недостатки в романе М. Горький конечно видел (не те, к счастью, что И. Рабова, считающий основным пороком отсутствие лаконичности). Они, эти недостатки, в романе есть. Есть ряд мест, где реализм автора приобретает несколько излишнюю грубость. Испытываясь повидимому отращивание к стандартному образу сестры милосердия в белоснежном косынке, Л. Аргутинская изобразила излившие часто и настойчиво подчеркнуть неуклюжие солдатские сапоги своей героини и ее подруг, их изорванные в боях платья, то что они в теплушках не всегда могут уберечься от вшей. Есть и еще отдельные неудачные сцены и образы.

Но М. Горький уже сказал отдельные недочеты, сказав недостаточную литературную опытность увидеть правдивое изображение действительности, большое уважение к трудностям, востановив на защиту своих поправных прав, умение показать сказанное внешне грубое, но внутренне человеческое, тонкость чувств, мужество и самоотверженность. Именно это придает книге Л. Аргутинской ценность, которой нехватает произведениям ряда гораздо более умелых, чем она, авторов. Именно это заставляет любого читателя, не совсем равнодушного к революционной действительности, к процессу роста ее представителей, людей, выросших в огне классовых войн, читать книгу Л. Аргутинской с живым интересом, иногда с подлинным восторгом, заново ощущая обстановку гражданской войны, первых лет революции, правду переданную одним из рядовых ее участников.

В связи с международной выставкой в Париже, майский номер журнала «Интернациональная литература» посвящен искусству в Советском Союзе.

В многочисленных статьях и очерках освещены все наиболее значительные явления советской литературы, театра, кино, живописи, скульптуры и т. д.

В литературном разделе помещены статьи: В. Ерипилова — о М. Горьком, В. Соколов — об Алексее Толстом, И. Зелинского — о Михаиле Кольцовом, И. Нусинова — о Михаиле Шолохове, В. Демидова — о Николае Островском, очерк С. Маршана о десяти поэтах и т. д.

Достижениями советского театра и музыки посвящены статьи: П. Маркова — о Московском оперном театре, Художественном академическом теат-

ре И. Горького, В. И. Немирович-Данченко — о постановке в МХАТ инсценировки романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», С. Диниева — о Миклоше в роли короля Лира, А. Александрова — о красномаршальном ансамбле Краснотарской песни и пляски, Н. Лидова — о международных побед советских музыкантов и др.

Много места уделено в журнале искусству (статья — режиссера-оперетки А. Довженко, актера Н. Черкасова — об исполнении им роли Полежаева в фильме «Девушка Балтики», Е. Габриловича и др.), живописи (статья об Александре Герасимове, о Сергее Герасимове, о Куриных и др.), скульптуре, архитектуре, народном творчестве.

Номер журнала иллюстрирован многочисленными снимками и рисунками.

Восприятие искусства все больше внедряется в жизнь народных масс, любящих и ценящих своих мастеров, свою талантливейшую молодежь.

Ярчайшим показателем роста советской литературы может явиться тот факт, что за последние годы на узбекском языке стали появляться лучшие произведения мировой литературы и русской классики. Произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Гоголя, Чехова, Горького вошли в обиход узбекского читателя.

Нечего, конечно, говорить о том, что узбеки читают на своем родном языке и лучшие произведения русской советской литературы: «Как закалялась сталь», «Тихий Дон», «Разгром» и многие другие.

Огромную роль в ознакомлении масс с мировой классикой выполняет узбекские театры и в первую очередь Государственный академический драматический театр, который одновременно крепит связь с узбекскими дра-

УЗБЕКСКИЕ ПИСАТЕЛИ И АРТИСТЫ
В РЕДАКЦИИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

17 мая в редакции «Литературной газеты» состоялась товарищеская встреча работников редакции и молосских писателей с писателями и артистами Узбекистана.

На встрече присутствовали заведующий отделом культурно-просветительной работы ЦК КП(б) Узбекистана т. Бергин, поэты — Хамид Алимджан, Уйгул, Айдин (ответственный секретарь союза советских писателей Узбекистана), Айбек, Эльбек, Усман Насир; прозаики Абдулла Кахар; драматурги — Яшин, Зият Фатхуллин, Анкабай, Абдулла Сафар, народные артисты Узбекистана — орденосносцы М. Уйгур, Тамаха Ханум и Абрар Хидаятов, помощник ответственного секретаря ЦСР т. А. Аршурин, т. М. Голодный, К. Тренев, Д. Алтаунов и др.

Т. Айдин, Бергин, Анкабай, Хамид Алимджан, Уйгул, Аршурин и др. дали широкую информацию о достижениях узбекской культуры, которая вступила в пору небывалого расцвета благодаря условиям, созданным мудрой национальной политикой ленинско-сталинской партии.

Убедительной иллюстрацией в этом смысле могут явиться даже те бедные факты, которые привел в своем выступлении т. Бергин.

Узбекистан, где паризм жестоко осуществлял свою разрушительную колониальную политику, где до революции насчитывалось не больше 2 процентов грамотных, — беднота не имела к этим процентам, разумеется, никакого отношения, — сейчас насчитывает более 3 тысяч начальных и неполных средних и средних школ, в которых обучаются свыше 300 тысяч детей, около 20 вузов, научно-исследовательских институтов и других культурных организаций и учреждений.

Общие успехи социалистического строительства сказались, естественно, и на таких важных участках культурного фронта, как литература и театр.

Союз советских писателей почти не знает людей, создающих литературу социалистического Узбекистана, не поддерживает с ними связи, не заботится о воспитании молодых кадров, об их учебе.

Между тем, нужна в этой помощи очень большая. Тем более, что националисты (Чопан, Фитрат и др.) и авербахи всех мастей стараются оказывать свое влияние на молодежь, используя каждую минуту, чтобы протиснуть свои вредоносные идеи.

До сих пор попытки установить тесный контакт со всевозможной литературной организацией и с ее секциями существующих результатов, по единодушному признанию, не давали.

Иногда эти попытки, как свидетельствуют т. Анкабай, приводили к обратным результатам, к разложению и еще большей разобщенности, — как это случилось после встречи с Киришном и Афиногеновым. Ничего, кроме барской насильственности и революционности, узбекские драматурги у этих людей, руководивших драматическим театром, не встречали.

Но ветер большевистской самокритики сметает с фронта литературы всех вредителей, бездумных чинопочков, ласкенингов и до искусства.

Все увереннее прокладывает путь к укреплению творческих связей, к созданию прочного единства всех отрядов советской литературы.

Большую роль призваны сыграть в этом смысле, как подчеркнул в своем выступлении редактор «Литературной газеты» т. Л. Субонкин, деятели национальной культуры в Москве, в частности узбекская делегация.

Литературная общественность выдвигает в качестве представителей талантливого народа выдающиеся уроки, которые найдут свое отражение и на страницах «Литературной газеты».

От имени секции поэтов и драматургов узбекских гостей приветствовали т. М. Голодный и К. Тренев.

Яковлев.

Буржуазная литература, занимавшая значительное место в период гражданской войны и восстановительный период, был вынесен сокрушительный удар.

Целый ряд буржуазных писателей, вроде Фитрата и др., вынужден был отойти от литературы, но не прекратил своей борьбы, используя различные «научные» выступления и «исследовательские» литературоведческие работы.

Буржуазные писатели-националисты пытались захватить руководство литературной организацией «Кизил Калям», которая была создана для воспитания и объединения советских писателей. Эти попытки уже сказались на первых основаниях «Кизил Калям», где выступили о докладах националистов Вахид Махмуд и Айдин. Они всячески пытались идеализировать дореволюционную узбекскую литературу, воспевают последние буржуазную контрреволюционную литературу.

Вследствие преступной беспечности и политической слепоты отдельных писателей-коммунистов, являвшихся в руководстве «Кизил Калям», националистам удалось в 1930 году захватить, правда, на короткое время, эту организацию в свои руки, при чем они имели в это время влияние на отдельных писателей-коммунистов.

Яркой иллюстрацией результатов этого влияния является «теория», которую проповедовал под влиянием националистов Атаджан Хашимов. Он в своих статьях о «чагайтской» литературе пропагандировал совершенно антимарксистские, националистические взгляды и теорию самобытности.

Однако, сколько националисты и другого рода контрреволюционеры пытались сопротивляться росту и укреплению узбекской литературы, они были разоблачены. Узбекская советская литература продолжала на каждом шагу укреплять свои позиции. Она с каждым днем росла, расцветала и двигалась вперед.

В этот период в узбекскую литературу пришла из комсомола, из советской молодежи много талантливых поэтов, прозаиков и драматургов: Гафур Гулям, Яшин, Хамид Алимджан, Эраш и др.

матургами. Авторы пьес на актуальные темы современности т. Яшин, Анкабай, Абдулла Сафар и др. пользуются довольно большой популярностью.

К сожалению, констатируют все ораторы, русская литературная общественность имеет очень слабое представление о драматургии, поэзии и прозаике Узбекистана. Она не переводится на русский язык или же переводится очень некачественно.

Этот авантюрист, вытесняющий Чумандрином каким-то образом в литературу, считается «крутым» специалистом рапповской «педагогике», наделенным провозглашением авербаховской троцкистской линии. Рядом с Файзиевичем орудовали такие «корифеи», как Мительман, Бейлин, Ф. и П. Евсеевы. Они с усердием развивали свои добры ради Авербаха и Чумандрина.

Сам Чумандрин был доволен своим учениками. Они «хорошо» расправлялись со всеми, кому не нравилась авербаховская «голова». Они издавались над лучшими советскими писателями, они подыали травлю комсомольской печати, выступившей с разоблачением авербаховщины, они выступали против статей «Правды» по вопросам литературы.

После постановления ЦК ВКП(б) о ликвидации РАПП Чумандрин проводил политику сопротивления линии партии, собирая у себя на квартире фракционные собрания. Через 5 месяцев после постановления ЦК, как отмечала «Правда» (сентябрь 1932), «на заседание ленинградского оргкомитета писателей явился сразу не посетивший его заседаний в течение 5 месяцев Михаил Чумандрин. Встав в почет «страника», Чумандрин сразу же заявил, что полуженных десяти минут ему будет мало, и потребовал сорок минут для речи. Получив этот срок, Чумандрин с места в карьер повел наступление на решение ЦК».

— Это лето было самым несчастным для РАПП, — сказал он, не скупясь на определенные обвинения подобной «формулировке».

— Писатели не лгут в результате этого! — усердствовал наш «страник», на глазах у всех отрицая несомненный факт огромного повышения творческой активности и ленинградских и московских писателей.

— Теоретической жизни нет, — надвинулся Чумандрин.

В таком же духе выступил вслед за Чумандрином Евсеев. Без РАПП нет и не может быть теоретической жизни в литературе, — это основной групповой тезис пытались проводить некоторые бывшие руководители бывшей РАПП, где только и как только можно.

Эта антипартийная позиция Чумандрина была далеко не случайной. «Выдвинул» Авербаха и Киришова, он был провозглашен чуть ли не «классиком» рапповской литературы за свои произведения «Склода», «Родина», «Бывший герой», написанные в духе творческой платформ секретариата РАПП и ВОАПП.

Исключительно низко по своим художественным качествам произведения Чумандрина «Родина», «Склода», «Бывший герой» и др. были охарактеризованы авербаховскими прихвостнями, врагом народа С. Малогом, как произведения «советского Золы». Они пропагандировали троцкистские взгляды с вредностью крестьянской массы социалистическому строительству и троцкистскому клевету на методы партийного руководства.

Чрезвычайно характерно, что после постановления ЦК о ликвидации РАПП Чумандрин терпеть не мог «свою среду» и почти перестал писать. Он нигде печатно не заявил о вредности своих троцкистских произведений, хотя об этом в свое время писала комсомольская печать (газета «Смена», № 75, 1932 г.).

Чумандрин явно проводил авербаховскую линию в лапповской газете «Наступление», где он, будучи редактором, методом фальсификации и уверток «расправился» со статья-

ми «Правды» и комсомольской печати. На страницах газеты «Наступление» он проповедовал авербаховские творческие лозунги.

Совсем недавно, после продолжительного молчания, Чумандрин вновь появился на литературном горизонте. Сейчас он поведет миру, что работает сразу над пятью произведениями. Одно из этих произведений — роман о С. М. Кирове — забавно, как искажающее образ proletарского вождя.

Другой оруженосец Авербаха — Л. Левин до февраля 1937 года подерживал тесную связь со своим «вождем». Он ездит к нему «консультироваться» на Урал.

В краткие Л. Левин известен как рядовой проводник рапповской «ортодоксии». В течение пяти лет он не нашел времени выступить с критикой своих авербаховских позиций.

В авербаховской школе активную роль играл и Добин. Физикомия этого путаника, ныне исключенного из партии, достаточно известна. Бывшие участники авербаховской школы сейчас предпочитают отмачиваться. Они не желают дать прямой ответ советской общественности. Вот например Н. Берковский, один из главных «счетоводов» журнала «На литературном посту», принесший немало вреда своим «работам». Это он пропагандировал рапповскую «платформу».

Смысл этой пятилетки, по мнению Берковского, таков: «Сила и смысл РАПП в том, что литературная продукция его осмысленно-программа, есть расчлененная «литература», есть движение по плану, колыхки вогнуты в пункт отбытия и в пункт прибытия, отражена историческая карта обзора. У политиков другие: там линия бесконечна, цель не поставлена, действует без сговора, карьера каждого писателя — сплошная авантюра, может кончиться успехом, может — нет» (Н. Берковский, «Текущая литература», 1930, стр. 9).

Он дискредитировал советских писателей и лучшие произведения советской литературы. О «Тихом Доне» Берковский писал в барских тонах: «Нас не удовлетворяет «Тихий Дон» Михаила Шолохова». (Там же, стр. 37).

Но зато он колыхал на пш Чумандрина: «У Чумандрина хорошо зарисован домашний вид рабочих коммунистов — Федора и Надежды. «Федор кончил есть, коркой обвел по кругу «своих коров». Этой «корки», единственной, уже достаточно. Она многозначна». (Там же, стр. 78).

И эти теоретики рапповской «сухой корочки» делают вид, что вся борьба с авербаховщиной к ним не относится. Н. Берковский и сейчас в своих путанных статьях протаскивает рапповскую «методологию».

Решительное осуждение литературной жизни Ленинграда невозможно без разоблачения до конца авербаховских соратников и всех рецидивов авербаховщины.

Авербаховцы до сих пор пытаются работать «организованно» — они объединились в редакции «История заводов».

Сюда переключались рапповские чиновники: Грозинский, Мительман, Бейлин, Великий. Во время приезда Авербаха в Ленинград они собирались в гостиные «История» и получали инструкции от своего «вождя».

Рядом с этими «платформами» на фронте «История заводов» орудовала целая банда ныне разоблаченных троцкистов — Попов, Маламед, Нотман и др. Но все деятельность авербаховцев в «История заводов» до сих пор окончательно еще не вскрыта и не проверена. А здесь корни авербаховщины пушены довольно прочно. Разоблачение всех приспешников Авербаха — боевая задача ЛенСЦП.

О. ЦЕХНОВИЦЕР

Авербаховщина
в Ленинграде

«Авербаховская группа» имела свои «надежные» кадры в Ленинграде.

Таков был Файзиевич, один из главных подручных Авербаха, Чумандрина и Добина, автор единственного литературного произведения — заметки «Как я пишу».

Этот авантюрист, вытесняющий Чумандрином каким-то образом в литературу, считается «крутым» специалистом рапповской «педагогике», наделенным провозглашением авербаховской троцкистской линии. Рядом с Файзиевичем орудовали такие «корифеи», как Мительман, Бейлин, Ф. и П. Евсеевы. Они с усердием развивали свои добры ради Авербаха и Чумандрина.

Сам Чумандрин был доволен своим учениками. Они «хорошо» расправлялись со всеми, кому не нравилась авербаховская «голова». Они издавались над лучшими советскими писателями, они подыали травлю комсомольской печати, выступившей с разоблачением авербаховщины, они выступали против статей «Правды» по вопросам литературы.

После постановления ЦК ВКП(б) о ликвидации РАПП Чумандрин проводил политику сопротивления линии партии, собирая у себя на квартире фракционные собрания. Через 5 месяцев после постановления ЦК, как отмечала «Правда» (сентябрь 1932), «на заседание ленинградского оргкомитета писателей явился сразу не посетивший его заседаний в течение 5 месяцев Михаил Чумандрин. Встав в почет «страника», Чумандрин сразу же заявил, что полуженных десяти минут ему будет мало, и потребовал сорок минут для речи. Получив этот срок, Чумандрин с места в карьер повел наступление на решение ЦК».

— Это лето было самым несчастным для РАПП, — сказал он, не скупясь на определенные обвинения подобной «формулировке».

— Писатели не лгут в результате этого! — усердствовал наш «страник», на глазах у всех отрицая несомненный факт огромного повышения творческой активности и ленинградских и московских писателей.

— Теоретической жизни нет, — надвинулся Чумандрин.

В таком же духе выступил вслед за Чумандрином Евсеев. Без РАПП нет и не может быть теоретической жизни в литературе, — это основной групповой тезис пытались проводить некоторые бывшие руководители бывшей РАПП, где только и как только можно.

Эта антипартийная позиция Чумандрина была далеко не случайной. «Выдвинул» Авербаха и Киришова, он был провозглашен чуть ли не «классиком» рапповской литературы за свои произведения «Склода», «Родина», «Бывший герой», написанные в духе творческой платформ секретариата РАПП и ВОАПП.

Исключительно низко по своим художественным качествам произведения Чумандрина «Родина», «Склода», «Бывший герой» и др. были охарактеризованы авербаховскими прихвостнями, врагом народа С. Малогом, как произведения «советского Золы». Они пропагандировали троцкистские взгляды с вредностью крестьянской массы социалистическому строительству и троцкистскому клевету на методы партийного руководства.

Чрезвычайно характерно, что после постановления ЦК о ликвидации РАПП Чумандрин терпеть не мог «свою среду» и почти перестал писать. Он нигде печатно не заявил о вредности своих троцкистских произведений, хотя об этом в свое время писала комсомольская печать (газета «Смена», № 75, 1932 г.).

Чумандрин явно проводил авербаховскую линию в лапповской газете «Наступление», где он, будучи редактором, методом фальсификации и уверток «расправился» со статья-

ми «Прав

Авербаховские приспешники в Ленинграде

Доклад тов. Ставского.—Чумандрин и другие.—Авербаховский ставленник Либединский.—Реваншистские выступления.—Газета «Литературный Ленинград» была стыком между авербаховцами и горбачевцами.—

Н. Свирин о «Литфронте».—Авербаховцы Л. Левин и О. Бергольц исклочены из союза писателей

Происходившие в Ленинграде отечественно-выборные собрания писательской организации сыграли большую роль в активизации политической жизни ленинградского союза писателей. Эти собрания положили начало той серьезной и важной работе по выкорчевыванию авербаховско-горбачевских корешков, которая со всей остротой стоит перед ленинградской литературной организацией.

Вопрос борьбы с антипартийными, враждебными группировками в литературе был посвящен и заседание правления ленсовета и активная творческая секция.

С докладом выступил тов. секретарь ССП т. В. Ставский.

— Собрания, происходившие в Москве и в Ленинграде, — сказал он, — вскрыли огромное количество недостатков в нашей работе, и эти недостатки особенно нетерпимы, когда они связаны с ослаблением, а иногда и потерей политической бдительности.

В. Ставский дает обстоятельную политическую характеристику деятельности Авербаха, как троцкистского диверсанта в литературе.

— После постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г., — замечает он, — некоторыми писателями было выдвинуто понятие «соревнования» и в процессе этого «соревнования» было забыто то, что представляет собой Авербах и его группа. Нельзя сказать, что Авербах ничего не достиг и ничего не добился своей вредительской работой. Поэтому так важно сейчас расчистить все авербаховские нити, разоблачить все методы его подрывной работы. Л. Левин, бывший уполномоченный Авербаха в Ленинграде по альманаху «Гол XVII», сейчас вспоминает, что Авербах путем повышения гонимых пытался сгруппировать вокруг себя отдельных писателей.

Также же методы Авербаха применял и в истории фабрик и заводов, и в редакциях книг о Беломорстрое и Беловостной коммуны. Подкупом и подкармливанием каждого на угодных писателей Авербах пытался восстановить свое положение в литературе. В то же время он травил писателей, неугодных ему.

— Прав Алексей Толстой, — продолжает В. Ставский, — когда говорит, что РАПП, это — не формальное понятие, что РАПП — домашняя и коверкала тончайшие аппараты восприятия и мышления и что в интересах развития советской литературы нам нужно распознать все ее уловки и методы, чтобы до конца выявить все ее злое влияние, уловки, антихудожественные приемы, которые были налицо писателям Авербаха и его приспешникам.

В Ленинграде также была весьма сильна авербаховщина. Сколько хороших, молодых рабочих ребят было и, здесь обидно, что Авербах был глубоко безразличен к равнодушным к судьбе тысяч людей, которых он признавал в литературе, ему нужна была хотя бы видимость такой массовой организации, которая голосовала бы за него.

Говоря о людях, бывших проводниками авербаховского влияния в Ленинграде, В. Ставский называет М. Чумандрина, принесшего много вреда, как руководящая фигура РАПП и ЛАПП, писателя, плохие книги которого пропагандировали троцкистские взгляды. Другой руководитель ЛАПП, Е. Добин, был до последнего времени близок к Авербаху, но он до сих пор не рассказал всего, что ему известно об авербаховщине. Безразлично молчит Лев Левин.

Надо до конца сделать все выводы. Намекая раскрыть все враждебное, что было в нашей литературе. Мы должны внимательно просмотреть работу деятелей бывшей группы

«Литфронт». В эту группу, как известно, входили Горбачев, Майзель, Горелов и др. На эту группу ориентировался Ломиниаде. Мы должны познакомиться с деятельностью группы «Кузница», на которую ориентировался Томский.

Надо еще раз присмотреться к бывшим «перевальцам». Надо также освободить литературу от ненужных и бесполезных людей. Мы знаем, что в среде разоблаченных врагов не было ни одного крупного писателя. Враги оказались в среде случайных, пришедшихся, околоточных элементов.

В. Ставский заостряет также внимание на вопросе о моральном облике советского писателя, напоминая такой сигнал, как разоблачение писателя Ивана Шухомца.

— Прежде чем допустить писателя к управлению самолетом, его внимательно изучают, проверяют его физические и психические качества. Почему же у нас, у писателей, — спрашивает В. Ставский, — допускали всех и всякого к ответственности работе инженера человеческого духа? Перед собой стоит задача решительно перестроить свою работу. Указания тов. Сталина на последнем пленуме ЦК ВКП(б) помогают нам ее выполнять.

Резко ставит вопрос о ряде бывших руководителей РАПП и ЛАПП О. Цехоминцев. Он заявляет, что Е. Добин несет полную ответственность за вредительскую линию газеты «Литературный Ленинград», выразившуюся в систематическом наравлении одной группы писателей на другую, в оказании лучших произведений советской литературы.

О. Цехоминцев напоминает, с каким озабоченным было встречено выступление «Литературной газеты» об антипартийной линии «Литфронта» Ленинграда. Автор этой статьи, по словам О. Цехоминцева, был в свое время публично заклеймен клеветником и фальсификатором.

Раскалывая о фракционной работе Чумандрина и Либединского, О. Цехоминцев цитирует «Литературную газету» за 29 сентября 1932 г., в которой дается отпор попыткам бывших руководителей ЛАПП противодействовать проводимой партией перестройке литературных организаций.

Не могут быть забыты книги Чумандрина («Бывший герой», «Родина», «Склянок»), которые по существу являются троцкистскими. О. Цехоминцев указывает на антихудожественность этих произведений. Между тем конъюнктурно-авербаховская «критика» доходила до таких абсурдов, что сравнивала Чумандрина с Золя и Львом Толстым, и в лучшем случае сносилось, кому из них отдать предпочтение. «Толстой или Чумандрин?» — так назывался убогий ответ об одном из рапповских диспутов в «Вестерей Москве».

Чумандрин не был одинок в своей антипартийной работе. Ю. Либединский, который мог бы о многом рассказать на наших собраниях, предостаточно ретировался за Ленинград. Надо также пристально посмотреть, куда ушли корни авербаховщины, в частности, взглянуть в авторские коллективы «Истории фабрик и заводов», где всецело были писатели, которые замечательную ниццантизму А. М. Горького.

— Напрасно Л. Левин, — указывает в своем выступлении Л. Плотицкий, — упорно подчеркивает, что влияние Авербаха не отразилось на его литературно-политической работе. Только что вышедшая книга Л. Левина «На знакомых темах» содержит в завуалированной форме старые положения рапповской методологии.

— А. Н. Толстой дал правильное определение троцкистско-авербах-

ской «философии литературы», — говорит М. Козаков. — Огромный вред нанесен советской литературе авербаховщиной.

Но когда мы сейчас говорим о людях, которые осуществляли рапповскую антипартийную линию, меня поражает диспропорция, существующая у нас при характеристике тех или иных людей. Ю. Либединский, например, должен нести не меньшую, а значительно большую ответственность, чем М. Чумандрин.

Я вспоминаю совершенно беспринципное деяческое поведение Либединского, который после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. неожиданно приехал ко мне с предложением организовать совместную творческую группу. Я был поражен, что с таким предложением обратился ко мне человек, который недавно перед тем требовал моего «сильного расстрела», что в эту группу пригласили и другие писатели, на имя которых на литературу совсем недавно требовал Либединский и его друзья.

Я отказался войти в эту группу, понимая, чем продиктована эта внезапная «перемена взглядов» Либединского. Чтобы уговорить меня, Ю. Либединский, только что требовавший, повторю, моего «сильного расстрела», предложил дать мне рекомендацию для вступления в партию.

Я считал и считаю себя непартийным большевиком, преданным делу партии и лишь формально не входящим в ее ряды, но от рекомендации Ю. Либединского, продиктованной групповыми и конъюнктурными интересами, я отказался.

Ю. Либединский, — продолжает М. Козаков, — прибыл в Ленинград как эмиссар Авербаха с широкими полномочиями, и не ему сейчас становиться в позу обидчивости. Мы вправе требовать, чтобы Либединский выступил в Ленинграде, рассказал о том, по чьей указке он ставил лапы на группу писателей с другой, почему он назначал литературных руководителей настоящего и безграмотного мальчишки Файнмановича, почему в Федерации писателей оказался такой человек, как Великий, почему секретарем ЛАПП был приглашен М. Лутзинг, издававший над писателями.

Пусть Либединский скажет, по чьей указке ныне разоблаченный классовый враг Старзков, тогда орудовавший в Ленинграде, придет к заседанию секретариата ЛАПП, прежде всего расстроит договоры с Тыняновым, Щегловым и др.

Линия поведения авербаховских эмиссаров, так же, как и линия горбачевцев, орудовавших еще недавно в ленинградском союзе писателей, — заключает М. Козаков, — была линией политической беспринципности и сплошных провокаций, преследовавших задачу разобщить и дезорганизовать единую семью работников советской литературы.

Е. Добин, О. Бергольц и Л. Левин вновь делают пространные заявления, и на этот раз никак не способствующие действительному раскрытию методов Авербаха.

Под давлением собрания им пришлось сдвинуть позицию за позицию, но прямого и честного рассказа правды от них так и не услышали. Прав был, в частности, А. Толстой, указывая, что напирало то же Добин все, что делалось в «Литературном Ленинграде», считал отдельными ошибками. Ошибки «Литературного Ленинграда» создавали направление газеты, а ошибки и недоразумения не могут быть платформой печатного органа союза советских писателей.

Выступивший на собрании ответственный секретарь ЛенССП И. Цильштейн отметил, что все факты, выявившиеся на писательских собра-

ниях, свидетельствуют о ссыкании, о стыке между вредительской работой троцкистско-авербаховской группы и подрывной деятельностью орудовавших в ленинградском союзе горбачевцев (Горелов, Майзель и др.). У них были одни и те же цели, одни и те же методы дезорганизации литературы, отрыва беспартийных от коммунистов, вредительской подтопки литературных кадров и т. д. Надо кончить с этой грязью, чтобы дать лояль и мощный раскаты советской литературе!

И. Цильштейн указывает также, что нужно особенно резко поставить вопрос о книгах Чумандрина, содержащих троцкистские взгляды, но до сих пор не изданных из библиотек. Выступившие Добин, Левин, Бергольц т. Цильштейн считают совершенно неудовлетворительным. Но его мнению нужно поставить вопрос также и о Ю. Либединском, которому есть что рассказать ленинградской организации писателей.

Одновременно, — говорит он, — надо дать отпор всяким реваншистским выступлениям. У нас имеются околорепартиные люди, которые хотят полонить раба в мутной воде. Надо решительно пресекать всяческие попытки свести личные счеты, проталкивая халтуру и недобросовестные произведения.

Творческие секции должны научить своих членов, освобождать от околорепартиной братии, от балласта, от тех, кто недостойны звания советского писателя.

М. Чумандрин в отличие от его предшественников выступил, попытался дать подробный анализ и политическую квалификацию антипартийной работы руководителей бывшей РАПП и в частности самого Чумандрина, как до постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года, так и после него.

М. Чумандрин добавляет ряд новых штрихов к омерзительной картине политического разложения и расставания авербаховской группы и ее вредоносной работы на участке ленинградской литературы.

Заявляя, что после ноябрьского пленума оргкомитета (1932 г.) он искренно порвал с Авербахом, М. Чумандрин признает, что серьезные рапповские рецидивы все же скрывались в его деятельности и значительное позже. М. Чумандрин признает также правильную рекузную оценку его произведений, содержащих вреднейшие троцкистские идеи. Касаясь деятельности Ю. Либединского, близкий друг и сподвижник которого он являлся все эти годы, М. Чумандрин вынужден сказать, что в личной и политической биографии этого человека имеются большие темные места. Необычайно велика его роль в создании враждебных рапповских теорий и лозунгов. Либединский нигде и ни разу не высказал о своих противниках книг.

Характерно, что после вредных книг «Зантра» и «Рождение героя» Либединский ничего не создал, если не считать плохих очерков «Петя Горюхино» и «Бригада Власова».

Нет такой планеты, где бы не жили трояки, но Либединский не жил, не жила и не жила бы одна «Неделя».

Определенным образом характеризует Либединского и то, что он не считал нужным добросовестно выполнять свои самые элементарные партийные и общественные обязанности.

— Выступление Чумандрина, — говорит М. Слонимский, — помогает писательской организации разобраться во всем происшедшем. Но эти признания не умаляют и его собственной ответственности. Нельзя забывать, что и до последнего времени многие честные писатели боялись одного имени Чумандрина. Это пытался использовать враг народа Го-

релов и др. орудовавшие в союзе.

М. Слонимский подробно говорит о вредительской работе авербаховцев и горбачевцев в ленинградском союзе.

Например критика «Повести о Левине» он показывает, к какому ободкованию писателя прибегали и те и другие, чтобы отвлечь его от нужной, острой, политической темы.

О стыке между авербаховцами и горбачевцами в ленинградском литературном союзе и в частности, газете «Литературный Ленинград», И. Свирин говорит Е. Добину, что он не поддерживал связи с Авербахом, то нужно помнить, что руководимая им газета все же послушно выполняла задания горбачевской группы.

В. Лавренев особо останавливается на личинном и безответственном выступлении другого руководителя «Литературного Ленинграда» — О. Бергольца, «наивности» и «неопытности» О. Бергольца, на то, что он не мог.

В деятельности О. Бергольца говорит В. Лавренев, — сказавшая авербаховская выучка, которая привела ее на службу к Горелову.

На заседании выступили также И. Никитин и др. писатели.

Н. Свирин еще раз подчеркнул, что, выкорчевывая корешки авербаховщины, надо полным голосом говорить и обо всех других враждебных антипартийных группировках, которые существовали в литературной организации.

В критике, которая звучит на наших собраниях, никому нельзя применять рапповские методы и замалчивать собственные ошибки.

В этой связи Н. Свирин подробно останавливается на своем участии в «Литфронте». Тула привела его откровенную атмосферу, существовавшая в РАПП, но, — указывает Н. Свирин, — это не может быть поставлено мне в вину, потому что борюсь с РАПП «Литфронт» не из партийных, а с групповых позиций, потому что и «Литфронт» отстаивал ряд вредных рапповских лозунгов (диалектико-материалистический творческий метод, «сознание или враг» и т. д.). «Литфронт» был беспринципным блоком. Сейчас мы видим, как и здесь сошлись враждебная работа. Внешне как будто «Литфронт» и авербаховская группа были враждебны друг другу. Но в действительности Ломиниаде, использовавший «Литфронт», был в то же время связан с Авербахом.

Н. Свирин рассказывает также о том периоде, когда В. Вишневский, и он сам, а также другие, резко порвали с «Литфронтом», развили работу в ЛОКАФ, работу, которая по существу была по рапповскому лозунгу «сознание или враг». Именно здесь впервые сплелись в своей творческой и оборонной работе беспартийные писатели и писатели-коммунисты.

Далее Н. Свирин указывает на то, что, давая порыв с «Литфронтом», он все же сохранял близкие отношения с Гореловым, Майзелем и др. Это помешало мне, говорит он сразу же занять правильную позицию в тот момент, когда партийная организация начала разоблачать вредительскую деятельность Горелова.

Дав развернутую политическую оценку своим ошибкам, Н. Свирин характеризует ряд бывших на собраниях выступлений (в частности выступление В. Эрлиха, заглавливая свою работу в лаповской газете «Наступление») и отмечает полную неудовлетворительность объяснений Добина, Левина, Бергольца.

Говоря о задачах предстоящей работы союза, Н. Свирин указывает на значение в перестройке работы сектора отчетно-выборных собраний секции, на которых была поднята большая волна здоровой критики. Эти

собрания показали, какие серьезные требования предъявляются писателям, особенно к писателю-коммунисту-руководителю. Надо помнить, что авторитет завоевывается работой!

Выступление А. Зиньковского встретило резкую оценку и в речах других писателей.

Мы считаем нужным отметить и странное поведение В. Стенча, который на этом заседании считал возможным балаганить и бросать двусмысленные шутки и каламбуры.

Н. Тихонов в ярких словах обрисовал ту дымовую завесу, которой обволакивали писателей Авербах и его друзья. «Человек был у нас организационным аргументом» — произнес сегодня Чумандрин свой страшный афоризм. Люди вместо аргументов, тезисов вместо книг, раздоры и склоки — такова обстановка, которую создавал писатель Авербах и которую мы окончательно уничтожаем.

В принятой резолюции правление ЛенССП указывает на огромный вред, который принесла в Ленинграде деятельность группы сторонников Авербаха (Либединский, Чумандрин, Добин, Стенчев). В резолюции отмечено, что большинство бывших руководителей РАПП сопротивлялись постановлению ЦК ВКП(б) от 23/IV 1932 г. и сохраняли связи с Авербахом и после ликвидации РАПП, а некоторые и до последнего времени (критик Л. Левин, В. Великий, До-

бин, как редактор «Литературного Ленинграда») способствовали вредительской работе Горелова, Майзеля и др. Л. Левин проводил вреднейшие взгляды в своей критической работе. О. Бергольц была связана с Авербахом и Макарьевым. Выступившие Добин, Л. Левина, Бергольц правление считает совершенно неудовлетворительным, не разоблачившими методов вредительской работы Авербаха.

Принято решение вывести Добина из состава правления ЛенССП и поставить на общем собрании вопрос об исключении его из союза писателей. Решено также исключить из союза писателей Л. Левина и Бергольца. Вопрос о Великом будет рассмотрен на следующем заседании правления.

Правление ЛенССП обращает внимание Весоюзного правления на необходимость внимательного рассмотрения деятельности Ю. Либединского, долготелого соратника Авербаха и творчески деградировавшего писателя. Считая, что в ряде книг Чумандрина («Склянок», «Родина», «Бывший герой») содержится грубые ошибки троцкистского порядка, правление считает необходимым изъять эти книги из библиотек.

Резолюция насаждает ряд конкретных мероприятий по выкорчевыванию корешков авербаховщины и других враждебных группировок, существовавших в ленинградской литературе.

В партгруппе ЛенССП

На собрании партгруппы и парткома Ленинградского отделения ССП выступили с докладом, посвященным разоблачению авербаховских агентов в литературе и их враждебной деятельности, т. В. Ставский.

Он указал, что в ленинградской литературной среде орудовали в течение ряда лет различные группировки, в частности, горбачевцы и авербаховцы.

Ю. Либединский, М. Чумандрин, Е. Добин и другие долготелые соратники Авербаха и после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года, активно поддерживая троцкистскую авербаховскую группировку.

Особо внимательно надо проследить деятельность Ю. Либединского, для которого характерны последние время — творческая беспомощность, оторванность от партийной жизни, барское нарушение партийной дисциплины. Но подлога он не платил партзвонков, а совсем недавно «доплатил» уплатить их... по телефону.

Подытоживая выступления по поводу «деятельности» Ю. Либединского, секретарь парткома т. Митрошинский ставит вопрос о партийности Либединского.

На собрании также указывалось на то, что, давая порыв с «Литфронтом», он все же сохранял близкие отношения с Гореловым, Майзелем и др. Это помешало мне, говорит он сразу же занять правильную позицию в тот момент, когда партийная организация начала разоблачать вредительскую деятельность Горелова.

Дав развернутую политическую оценку своим ошибкам, Н. Свирин характеризует ряд бывших на собраниях выступлений (в частности выступление В. Эрлиха, заглавливая свою работу в лаповской газете «Наступление») и отмечает полную неудовлетворительность объяснений Добина, Левина, Бергольца.

Говоря о задачах предстоящей работы союза, Н. Свирин указывает на значение в перестройке работы сектора отчетно-выборных собраний секции, на которых была поднята большая волна здоровой критики. Эти

собрания показали, какие серьезные требования предъявляются писателям, особенно к писателю-коммунисту-руководителю. Надо помнить, что авторитет завоевывается работой!

Выступление А. Зиньковского встретило резкую оценку и в речах других писателей.

Мы считаем нужным отметить и странное поведение В. Стенча, который на этом заседании считал возможным балаганить и бросать двусмысленные шутки и каламбуры.

Н. Тихонов в ярких словах обрисовал ту дымовую завесу, которой обволакивали писателей Авербах и его друзья. «Человек был у нас организационным аргументом» — произнес сегодня Чумандрин свой страшный афоризм. Люди вместо аргументов, тезисов вместо книг, раздоры и склоки — такова обстановка, которую создавал писатель Авербах и которую мы окончательно уничтожаем.

В принятой резолюции правление ЛенССП указывает на огромный вред, который принесла в Ленинграде деятельность группы сторонников Авербаха (Либединский, Чумандрин, Добин, Стенчев). В резолюции отмечено, что большинство бывших руководителей РАПП сопротивлялись постановлению ЦК ВКП(б) от 23/IV 1932 г. и сохраняли связи с Авербахом и после ликвидации РАПП, а некоторые и до последнего времени (критик Л. Левин, В. Великий, До-

бин, как редактор «Литературного Ленинграда») способствовали вредительской работе Горелова, Майзеля и др. Л. Левин проводил вреднейшие взгляды в своей критической работе. О. Бергольц была связана с Авербахом и Макарьевым. Выступившие Добин, Л. Левина, Бергольц правление считает совершенно неудовлетворительным, не разоблачившими методов вредительской работы Авербаха.

Принято решение вывести Добина из состава правления ЛенССП и поставить на общем собрании вопрос об исключении его из союза писателей. Решено также исключить из союза писателей Л. Левина и Бергольца. Вопрос о Великом будет рассмотрен на следующем заседании правления.

Правление ЛенССП обращает внимание Весоюзного правления на необходимость внимательного рассмотрения деятельности Ю. Либединского, долготелого соратника Авербаха и творчески деградировавшего писателя. Считая, что в ряде книг Чумандрина («Склянок», «Родина», «Бывший герой») содержится грубые ошибки троцкистского порядка, правление считает необходимым изъять эти книги из библиотек.

Резолюция насаждает ряд конкретных мероприятий по выкорчевыванию корешков авербаховщины и других враждебных группировок, существовавших в ленинградской литературе.

Постановлено напечатать творчество участников всех литературных группировок: РАПП, «Литфронт», «Кузница» и др.

А. МАКАШИН

Преступная бездеятельность

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ ТАТАРИИ

(От нашего специального корреспондента)

В «Литературной газете» (см. № 25 с. 1) сообщалось о том, что председателем союза советских писателей Татарии Кави Наджим снят с работы и что старые правления ССП Татарии распущены. Чем же вызваны столь суровые и крайние меры?

На этот вопрос с исчерпывающей полнотой отвечают материалы трехдневного собрания писателей и выводов комиссии обкома ВКП(б), тщательно обследовавшей деятельность правления союза.

Уже несколько лет, как в Татарии начали поднимать свои змеинные головы всякого рода националисты и троцкисты. Враги народа проповедают в союзе советских писателей, в театре, в издательстве, да в продолжение нескольких лет вредили почти безнаказанно.

Этой безнаказанностью они обязаны отчасти «высокому» покровительству гнусного врага народа Абдуллы, оказавшего не меньшим покровительством, чем он, главное — широко распространенной в ССП Татарии идеей болезни — беспечности.

В самом деле. Ведь контрреволюционер «писатели» Сайфи как махровый националист был разоблачен еще в 1935 году. Это должно было заставить руководство союза настоятельно принять необходимые меры к оздоровлению организации, развернуть полноту-воспитательную работу среди писателей.

Однако руководство союза писателей Татарии не извлекло из дела Сайфи необходимого урока.

Сайфи для отвода глаз был исключен из членов союза, но вскоре же снова был принят в союз, где ему радужно предоставили возможность контрреволюционной пропаганды. В театре ставили его вреднейшие пьесы, в журнале «Совет Эдвизате» печата-

ли его контрреволюционные рассказы, в союзе писателей выдавали ему «творческие» командировки; группа писателей, главным образом стоявших у руководства (К. Наджим, Гумер Галеев, Тулумбайский и др.), на квартире, в семейной обстановке разрешали вместе с Сайфи важнейшие вопросы союзной работы, и здесь же за стаканом вина «оценивались» новые творения Сайфи и др. националистически настроенных писателей и их вылазки «путешия в жизнь».

Это несомненное нарушение демократии, самостоятельности, полное игнорирование общественного мнения, чудовищная политическая слепота и беспечность дали возможность контрреволюционеру Сайфи прекрасно чувствовать себя в союзе, где его оберегали от всякой критики буквально до самого последнего времени.

Точно так же до последнего времени находился в союзе принят и защитник троцкист Гумер Галеев, несмотря на то, что его вредительская работа поощрялась у всех на виду. Редактурный журнал «Совет Эдвизате», Г. Галеев систематически протаскивал на его страницы идеологически порочные, а часто и прямо контрреволюционные произведения (Сайфи, Ш. Усманова и др.).

Вплоть до полного разоблачения состоял в союзе националист Шамиль Усманов. Его клеветническая повесть «Путь легиона» никем не критиковалась.

Кави Наджим не обращал внимания на сигналы писателей-коммунистов и совершенно наивнейшей

отнесся к решению обкома ВКП(б) Татарии (октябрь 1936 г.), в первом пункте которого было сказано: «1. Снять с работы и исключить из состава советских писателей Татарии и лично К. Наджим за провозглашение либерального отношения к враждебным троцкистским, буржуазно-националистическим элементам, призывавшим к литературному фронту, за отсутствие активной борьбы с идеологическими извращениями, имевшими место в произведениях отдельных писателей».

Главный советник Наджим, член правления троцкист Гумер Галеев, объявив решение обкома неправильным и предложив опротестовать его, не дожидаясь отмены решения, К. Наджим и Гумер Галеев начали открыто саботировать проведение этого решения в жизнь, одновременно стараясь обмануть обком, заявляя, что в союзе все обстоит благополучно.

В союзе попрежнему царил семейственность и угодничество; союз являлся пыльной канцелярией, куда писатели заходили главным образом за «творческой командировкой», т. е. за денежной суммой.

Несмотря на указания обкома, учебная работа писателей не была. Все кружки развалились. Критика и самокритика в союзе писателей беспечно игнорировались.

Вся работа правления и его избранников («актив») заключалась в саморекламации и создании круговой поруки.

Естественно, что «деятельность» правления и его председателя К. Наджим была подвергнута на собраниях писателей суровой и беспощадной критике.

Почти все выступавшие в президиум товарищи, подтверждая правильность выводов комиссии, приводили все новые и новые факты, свидетель-

ствующие о преступной бездеятельности правления и о полнейшей политической безответственности таких «коммунистов», как Наджим, Тулумбайский и Нигмати.

Тов. Либид Гильманов назвал на собрании ряд произведений, в той или иной степени пропагандировавших при попустительстве руководства союза контрреволюционный национализм.

Т. Мирсай Амир, Муса Джалиль, Мухтар Галул и др. говорили о том, что в союзе писателей Татарии до последних дней культивировались рапповские методы «работы». Не случайно руководители союза рабобешно заискивали перед Киршоновым, дважды приезжавшим в Татарии по заданию правления ССП.

Многие на выступающих товарищах говорили о преступном отношении руководства к молодежи. Усердно затравили молодых способных писателей Либид Гильманова, Мирсай Амирова, Гизатова и др.

Консультационной работы не проводилось. Присланные рукописи сваливались в кучу; их никто не прочитывал, никто не считал себя обязанным отвечать авторам.

В русскую секцию, объединя

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

1866 г.

Запрещение
«Современника»

24 (12) мая 1866 г. в «Северной Почте» появилось официальное извещение о привлечении к судебной ответственности редакции «Современника». Майский номер «Современника» был конфискован еще в начале месяца. И вскоре, прежде чем состоялось судебное разбирательство, последовало распоряжение о прекращении выхода журнала.

Запрещение журнала не было ожидаемым ни для редакции, ни для читателей.

Еще в январе 1866 г. Некрасов писал Фуску: «Подписка на «Современник» идет очень тихо. Видно, что боится подписываться. Каждый почти требование выразит опасение, что журнал будет запрещен».

Безалаберность дальнейшего издания «Современника» стала совсем очевидной после карикатурного выступления в апреле 1866 г.

«Тот, кто не жил тогда в Петербурге», рассказывает Г. З. Елисеев, один из ведущих работников «Современника», — и не принадлежал к литературным кругам или, по крайней мере, не был к ним так или иначе прикосновенен, не может представить той паники, которая здесь происходила. Боязливый литератор, не принадлежавший к направлению Куткова, а не принадлежал к тому направлению, не считая себя оговоренной жертвой и был уверен, что его не тронут непременно, потому только, что он литератор, арестуется».

Как известно, эта участь не только не миновала Елисеева, но на его квартире был задержан и Некрасов.

Поводом к возбуждению судебного преследования против «Современника» была статья И. Якубовского «Вопрос молодого поколения». Несмотря на то, что Главное управление по делам печати утверждало, будто статья «имеет прямой целью возбудить вражду всех сословий против принципа дворянства», окружной суд не усмотрел в статье никакой крамолы и в вынесении оправдательного приговора.

Но еще задолго до суда вопрос о дальнейшем издании «Современника» рассматривался 25 (13) мая в Особой комиссии, которая и установила, что «из всех существующих журналов и повременных изданий «Современник» и «Русское слово» принадлежат бесспорно к числу таких, которые постоянно с давнего времени, развивая на своих страницах учение социализма и нигилизма, более прочих способствовали развращению молодого поколения».

Исходя из этого, комиссия признала необходимым «поручить министру внутренних дел ныне же вовсе прекратить издание «Современника» и «Русского слова».

«Современник» был лучшим русским журналом. Впечатление, произ-

веденное на все передовое русское общество запрещением самого популярного журнала, было огромно. «Я помню давно», — записывает в своих дневниках А. В. Никитенко, — «чтобы правительственная мера производства такого единого и всеобщего недовольства, как запрещение двух журналов — «Современника» и «Русского слова»».

В конце 1866 года вдова Плетнева (купившая «Современник» у наследников Пушкина и славянского его впоследствии в аренду Некрасову) обратилась к Александру II с просьбой разрешить ей возобновление журнала. Не считая себя ответственной за деятельность последней редакции, она просила разрешить наследникам пользоваться правом собственности на «Современник» и тем самым «сохранить за семейством Плетневых дар, врученный ему Пушкиным».

Но ненависть царского правительства к «Современнику» была настолько велика, что, не отказывая Плетневой в ее просьбе (это было бы самым скандальным), ей не давали никакого ответа до тех пор, пока она сама не убедилась в безалаберности своей просьбы.

1892 г.

Умер Н. Е. Каронин

Сорок пять лет назад, 24 мая 1892 года, умер известный писатель-политик Н. Е. Каронин (Петрова-Волжский). В многочисленных очерках и рассказах, написанных в первой половине 80-х годов, Каронин рисует разложение патриархальных устоев русской деревни.

«Оригинальность Каронина», — отмечал Плеханов, — в том и заключается, что он, несмотря на все свои народнические пристрастия и предрассудки, являлся за изобретение именно тех сторон нашей народной жизни, от сплоченности с которыми разлетается к уже разлетаются выраз все идеалы народников. Он должен был обладать сильно развитым художественным инстинктом, должен был очень внимательно приподнимать к требованиям художественной правды для того, чтобы, не скупясь собственными непоследовательностями, опровергать в качестве беллетриста все то, что сам же он, впрочем, горячо защищал бы на почве публицистики».

Каронин неоднократно подвергался преследованиям царского правительства. В 1874 году он был одним из обвиняемых в «процессе 103-х». В 1881 году он был в административном порядке выслаан на пять лет в Сибирь.

В воспоминаниях А. М. Горького о нем, написанных с глубокой проникновенностью и теплотой, посвящен Каронину. Горький вспоминался с ним в 1889 году, когда пришел из Царства в Нижний. «Знакомство с ним», — пишет Горький, — «одно из самых значительных впечатлений юности моей».

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

НЕКУЛЬТУРНО...

В журнале «Резец» № 3, 1937 г., посвященном Пушкинским юбилейным дням, помещена статья В. С. Азарова под названием «Отомщенный Пушкин» (образ Пушкина в стихах советских поэтов). В числе этих советских поэтов упомянут и В. М. Маяковский. Автор пишет следующее о Маяковском: «Юбилейное» Владимира Маяковского принадлежит не только к числу лучших стихов Маяковского, оно является лучшим произведением советской поэзии о Пушкине. Маяковский сумел о большой простоте и силой показать Пушкина, который вложил в наше «социалистическое слово»

«Как живое с живыми говоря... и т. д.

Тов. Азаров неверно цитирует Маяковского. Как известно, Маяковский сказал не «социалистическое слово», а «коммунистическое слово», причем «...и он не в стихотворении «Юбилейное», а в стихотворении «Во весь голос» (собрание сочинения в 4-х томах, том IV, стр. 358). На той же странице и в том же произведении Маяковский мы найдем и фразу: «Как живое с живыми говоря», хотя тов. Азаров почему-то считает, что Маяковский сказал ее в «Юбилейном».

Подобное бесперомное отношение «Резца» к Маяковскому совершенно недопустимо для органа Союза советских писателей.

М. ФУНСОН
Директор показательного
универмага в г. Орджоникидзе

НУЖНЫ КНИГИ
О ПИСАТЕЛЯХ

Советская молодежь проявляет все больше и больше интереса к художественной литературе, к ее изучению. Но это законное стремление к более глубокому знакомству с жизнью писателя, о эпоху, в которую он жил и творил, о его произведениях, заставляет нас серьезно притвориться: нет хорошей книги, правильно объясняющей и оценивающей творчество писателя, последовательно раскрывающей и правильно по-марксистски освещающей основные этапы его жизни и творческой деятельности.

Такое положение о рядком классиков русской литературы (Гоголь, Толстой, Тургенев, Гончаров, Горький), со всей советской литературой.

Почти нет также критической литературы популярного характера о творчестве замечательных классиков. Нет соответствующей литературы о Бальзаке (кроме книги Сухотина «О Бальзаке, как живое и литературная деятельность на серия «Жизнь замечательных людей»), Гого, Флобер, Золя, Мопссан, Жюль Верн и др. Работы молодежи в связи с этим очень затруднены.

Союз советских писателей и Институт литературы Академии наук СССР должны заняться изданием серии критико-биографических книг о великих писателях.

В таких книгах очень нуждается советская молодежь.

Н. И. АНИКИН

СТИХИ И ПЕСНИ О Г. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Сборник, изданный «Молодой гвардией», фактически делится на 2 части: в одну вошли стихи, посвященные 50-летию со дня рождения великого пролетарского революционера, в другую — стихи, явившиеся откликом на смерть Серго.

Нужно прямо сказать: составители сборника не отнеслись с должной ответственностью к своей работе и в важной задаче. Больше думая, очевидно, о количественных показателях, чем о качестве сборника, они включили в него решительно все, что оказалось в поле их зрения, проявив странную снисходительность даже в отношении явно ученических произведений.

Это особенно отразилось на той части, которая посвящена смерти Серго. Стихи этого отдела в большинстве случаев поражают своей холодностью, банальностью, резонерством, какими-то обезличенным подделом к образу Орджоникидзе. Таковы, например, стихи М. Комиссаровой.

Другие стихи редко выходят за пределы стандартных описаний Колонного зала, траурных венков, за пределы жалоб на бессилье выразить свои чувства.

Поверьте, Беатерию трудно Скорбной вести той (Холандер).

И трудно поверить и страшно поверить

Народный комиссар просвещения РСФСР и Институт мировой литературы им. Горького при ЦИК СССР проводят конкурс на лучший детский рисунок по темам: «Горький, его жизнь и его произведения». Лучший рисунок будет передан в музей Горького. На снимке: один из рисунков, присланных на конкурс двенадцатилетним школьником Колей Алексеевым-Яшиным (Пешковский район, Курская область) на сюжет повести М. Горького «Мать».

Наказы драматургов

Завтра в Союзе писателей состоится общее собрание драматургов. В повестке дня: сообщение по делу Киришона, Бр. Ясенского и др.; об управлении по охране авторских прав; доклады бюро секции драматургов.

Новому бюро предстоит выработать план своей будущей деятельности, которая должна охватывать все жанры советской драматургии.

В течение последних дней состоялись: актив бюро секции драматургов, собрания авторов самодеятельного театра, кинодраматургов, авторов эстрадного репертуара.

На этих собраниях обсуждены конкретные предложения нового бюро секции драматургов.

ДРАМАТУРГИ
И ГУК

На собраниях актива кинодраматургов снова со всей остротой встал вопрос о возмущении методов работы ГУК и о недопустимости системы взаимоотношений драматургов и кинорежиссеров.

Снова и снова авторы сценариев недоумевали по поводу бюрократизма, неслыханного неужения к авторским кадрам, издевательского обращения со сценариями.

Многими жданы утверждения для отклонения их произведений руководством ГУК. Голоса маршируют принятые сценарии. Большая часть их не идет в производство, потому что «нет режиссера», который «хотел бы их ставить».

Таким образом сценарии, будто бы принятые руководством, фактически бросаются режиссерами.

Как правило, на экранах появляются те картины, режиссер которых в то же время и автор, либо соавтор сценария.

Кинодраматург, отстаивающий право на свое произведение при таких порядках, оказывается «не ко двору» в ГУК. Гораздо «удобнее» автор, который, получив гонорар за свой сценарий, предоставляет его дальнейшую судьбу «соавтору»-режиссеру.

Писатель, пламенно призываемый в киноматографии, на деле отстраняется от работы, как только оплачен его сценарий, рассматриваемый как «сырье» для режиссера.

Руководство ГУК не только не пытается разрушить, но культивирует эту дилетантскую политику, демагогически обещая писателя. Оно, повидимому, считает, что советская киноматография может и должна развиваться в тесной связи с развитием советской кинодраматургии.

Этой вредной политике ГУК союза советских писателей должен противопоставить свою линию, линию непримиримой борьбы с существующим положением.

...Чудо-машинки к Тайжану пришли Комбайны — могучие корабли — Гордо плывут в степном океане... Кто же позвонил так о Тайжане? Кто же сказал, чтобы ему Сар-Дала Сокровища недр своих отдала? Кто же сказал, чтобы Эмба открылась, чтобы Тайжану шедра раздала? Кто же сказал, чтобы тайны Алтай Тайжану открыла гора золотая? Кто же сказал, чтобы радость кипела?

Кто же сказал, чтобы степь молодела? Кто же сказал, чтоб в края Джебзай Тайжану открыла гора золотая? Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

Кто же сказал, чтобы в балханах воды, Кабала Тайжану?

МАЛЕНЬКИЙ
ФЕЛЬЕТОНДРУЖЕСКОЕ НАПУТСТВИЕ
НОВОМУ БЮРО
СЕКЦИИ ДРАМАТУРГОВ

Бразды ослабшие беречь... Ты знаешь — были тут «Большие дни», большой дележ, Бесплатный «Хлеб» и «Страх» и «Ловь».

И... «Суд». Вельмож, двуручников, пролаз Приказ велевший пресс. Теперь — простого жем от вас: Не деклараций и не фраз, А... пьес!

А. РАСКИН
М. СЛОБОДСКОЙ

О НАРОДНОСТИ
И ПСЕВДОНАРОДНОСТИ
В ПОЭЗИИ

Обсуждение творчества А. Прокофьева на собрании поэтов

Дискуссия о творчестве Прокофьева — хорошее начало в деятельности нового бюро секции поэтов.

Почти все выступившие на дискуссии поэты заняли правильную позицию в вопросе о принципах народности в социалистическом искусстве и о той части творчества Прокофьева, где эти принципы нарушены. Иные и полнее высказались эту точку зрения И. Заболотный, А. Сурков и И. Уткин.

Они сумели вскрыть порочность установок, ведущих к имитации народного языка, к стилизации, к механическому воспроизведению синтаксиса, лексики и образов фольклора.

Стихи, приведенные тт. Сурковым и Уткиным, говорят о том, что Прокофьев, несколько не теряя присущую ему поэтических способностей, может дать и произведения, насыщенные большой идеей, возмущающие неслыханным пафосом современности.

«Можно не сомневаться в том, что эта линия борьбы за идейное, общенародное искусство против псевдонародной архаики осуществлялась бы Прокофьевым гораздо последовательнее, если бы в ленинградской поэтической среде не господствовала система взаимных амнистий, «дружеских» услуг, услаждающих заведомо во всех случаях жизни.

Тов. А. Гитович рассказывал на собрании о том, как беспринципно многие ленинградские писатели и поэты поддерживали и защищали друг друга, выгораживая честь «землячества».

Неудивительно, что эта среда ориентировала Прокофьева в направлении, совершенно противоположном тому, по которому он должен был следовать. Неудивительно, что и в критику «Комсомольской правды» и собрания московских поэтов Прокофьев реагировал чрезвычайно болезненно.

Поэт страдает от того, что автор статьи в «Комсомольской правде» не проявляет «нулевой доли уважения» к нему. Можно согласиться с ним, как и с другими товарищами, выступавшими на дискуссии, что жесткость и примата высказываний не всегда обязательно должны соединяться с фельетонной насмешливостью.

Можно согласиться и с тем, что нетерпимость к нему, критика беспорочного поэта, говорить не только о его срывах, но и указывать ему в его же творчестве те зловещие, ухватывающиеся за которые он мог бы скорее освободиться от джигарных копелл и целком обрести себя как художника.

Но разве в рамках газетной статьи истина должна быть истерпана до конца? И допустимо ли, из-за неподобающего тона оценки, полностью игнорировать ее существо, как это делал Прокофьев, который больше аргументировал «от обиды», чем от сознания своей правоты.

З. И.

ИЗВЕЩЕНИЕ

25 мая в 7 часов вечера в Доме Союза советских писателей (ул. Ворского, 50) созывается общесоюзное собрание писателей.

Повестка дня: 1. О шуховщине — доклад О. С. Волгинской. 2. Доклады совета жен. Приглашаются товарищи писатели.

Я. ЗИДЕЛЬМАН.

НОВОЕ В ЖУРНАЛАХ

«Красная новь»

В ближайшее время выйдет, — наконец-то! — третий (мартовский) номер «Красной новь», который открывает «Песнь о Сталине» казахского народного поэта Джамбула, в переводе Н. Алтайского.

Основное место в книжке редакция отвела роману Вс. Лебедева «Заводы» — первой части осуществленной автором книги «Хроника двух заводов».

В романе автор рассказывает о старейших мастерах уральских заводов, «чья рука столько сотворила дел на чугуна, на железа и стали». Показаны три поколения: дед Петр Наводворов — знаменитый искатель самоцветов; его сын Матвей — старший мастер проката, и внук — молодой советский инженер Сергей Наводворов.

Далеко позади осталось тяжелое дореволюционное прошлое завода. «Верхний завод» радостно празднует свое «второе рождение». Гремя вновь построенные цеха, блестящие новые машины. На месте заводского поселка вырастает город. На «нижнем заводе» строительство только развернулось. Его руководители, во главе с Сергеем Наводворовым, упорно преодолевают трудности, мобилизуют лучшие силы, разоблачают и ловят пронышек на завод шпионов и врагов.

В разделе художественной прозы читатель найдет еще рассказ Д. Стоилова «Огни», рассказ В. Никифорова «Камилла Демуплен», «Рассказы о детях» Р. Аксюткина и повесть Б. Валдиного «Счастливый кошок».

Герой рассказа Д. Стоилова «Огни» — матрос Андрей Каплин. Много лет плавал он по одной и той же реке — Дону, на одном и том же пароходе. Ни при каких обстоятельствах не разлучались он со своим судном. Но вот несчастный случай лишает Андрея ноги.

Ужасным казалось Андрею примирение с берегом, который он превратил и ненавидел всю жизнь. Но на деле он и на берегу сумел оказаться полемым своим бывшим товарищам по пароходу.

Автор заканчивает рассказ героическим подвигом Андрея, спасающего любимых парочку.

«Хозяйственная» деятельность Киришона и Ко

Вопрос о «хозяйственной» деятельности В. Киришона, как секретаря драмсекции и как фактического главы управления по охране авторских прав, поднимался не раз. Особенно подробно осветил эту сторону киришоновской деятельности председатель ревизионной комиссии правления СССР т. Ф. Березовский (на собрании московских писателей, обсуждая решение пленума ЦК партии) и ряд драматургов, выступивших на собраниях, которые представляли выборы нового бюро драмсекции.

Бюджетная инспекция по ревизии управления охраны авторских прав не только подтвердила все эти факты, но выяснила и ряд новых обстоятельств, делающих совершенно необходимым привлечение Киришона и его ближайших помощников к уголовной ответственности.

Установлено, во-первых, что управление — организация, незаконно существующая, нигде даже не зарегистрированная. Распределение сумм, поступающих в управление, производилось в соответствии с личными симпатиями Киришона, Лернера (директора управления) и других «критических» авторских прав.

Широко практиковалась система авансов, ассигнования средств на банкеты, на обмундирование служащих управления, оплату незаконных счетов и т. д. В общую массу поступали и так называемые «обезличенные» суммы — гонорар за произведения умерших или неизвестных авторов.

Наркомфин СССР утвердил выводы бюджетной инспекции.

По распоряжению прокурора СССР следственный отдел прокуратуры приступил к расследованию всех материалов о деятельности Киришона и управления по охране авторских прав.

ДЕНЬ
советской
ПОЭЗИИ

Центральный парк культуры и отдыха им. Горького, Гослитиздат и союз советских писателей СССР проводят 24 мая «День советской поэзии». Все массовая работа парка в этот день будет направлена к тому, чтобы показать достижения советской поэзии к двадцатой годовщине Великой Пролетарской Революции.

Полное собрание поэтов Прокофьева реорганизовано чрезвычайно болезненно.

Поэт страдает от того, что автор статьи в «Комсомольской правде» не проявляет «нулевой доли уважения» к нему. Можно согласиться с ним, как и с другими товарищами, выступавшими на дискуссии, что жесткость и примата высказываний не всегда обязательно должны соединяться с фельетонной насмешливостью.

Можно согласиться и с тем, что нетерпимость к нему, критика беспорочного поэта, говорить не только о его срывах, но и указывать ему в его же творчестве те зловещие, ухватывающиеся за которые он мог бы скорее освободиться от джигарных копелл и целком обрести себя как художника.

Но разве в рамках газетной статьи истина должна быть истерпана до конца? И допустимо ли, из-за неподобающего тона оценки, полностью игнорировать ее существо, как это делал Прокофьев, который больше аргументировал «от обиды», чем от сознания своей правоты.

З. И.

ИЗВЕЩЕНИЕ

25 мая в 7 часов вечера в Доме Союза советских писателей (ул. Ворского, 50) созывается общесоюзное собрание писателей.

Повестка дня: 1. О шуховщине — доклад О. С. Волгинской. 2. Доклады совета жен. Приглашаются товарищи писатели.

Я. ЗИДЕЛЬМАН.

Небольшой рассказ В. Никифорова «Камилла Демуплен» рисует зверскую расправу белогвардейцев с двумя захваченными в плен, артистами красноармейского театра.

Обширный отдел поэзии. В нем читатель найдет несколько глав из поэмы Руслановича «Витязь в тигровой шкуре» в новом переводе Г. Цагарели, восемь лирических стихотворений В. Саянова, Ал. Сурнова — «Из словесных поэтов».

Глазодом третьего номера «Красной новь» надо назвать впервые публикуемые в печати очерки Юрия Бальзака «Парижские портреты», в переводе Б. Грифцова.

Это замечательная галерея образов, нарисованных острым саркастическим пером Бальзака с непревзойденной четкостью и реализмом.

«Министр», «Провинциал», «Нотариус», «Банкир», «Рантье» — все это законченные этюды к его художественным произведениям.

Каждая фраза насыщена яркой иронией по адресу буржуазной Франции.

Собранные вместе очерки Бальзака являются яркой социальной сатирой, и их появление в печати представляет бесспорную ценность.

Отдел критики и библиографии сведен в номере всего к одной рецензии Мариэтты Шагинин о книге Павленко «На Востоке».

«Павленко сделал среди нас, рабочих пера, инженеров душ, больше станаковского дела», — пишет Мариэтта Шагинин. — Он перекрывает наши нормы, и мы обязаны подтянуться к новой отметке...»

Из остального материала, печатаемого в третьей книге «Красной новь», которую давно ждет терпеливый подписчик журнала, о увлечении продуктом замечательного антифашистского писателя Карла Осецкого.

ПИСЬМА
В РЕДАКЦИЮ

Считаю ошибкой редакторов то, что в вышедшем сборнике «Песня Красной армии» я назван автором слов песни «Пролетарий всех стран, соединяйтесь!». Заявляю, что такой была сделана обработка этого текста.

Во всех изданиях Музгала, (а также и в договоре) всегда обязательно освещались этот момент.

Я заявляю протест по поводу того, что в сборнике «Украинская народная песня» автором русского текста песни «Комитер» («Заводы, астерты») назван поэт Анастасий Гладш, между тем как слова этой песни написаны мной по просьбе композитора Г. Эйслера.

Ошибки такого рода способствуют искажению образа жизни нежелательных редакторов и издательств, превращаясь в сознательное опубликование той или иной лжи о автором. Следить же за всеми изданиями нет никакой возможности, тем более, что, как правило, издательства не своевременно присылают авторские экземпляры.

Пора положить конец недопустимой небрежности и невниманию, которые ведут ко всякого рода нареканиям и подозрениям по адресу тех в чьем вольном произведении, работающих над созданием советской поэзии.

ИЛЬЯ ФРЕНКЕЛЬ

«Литературная газета» (№ 26) в отчете о собрании ленинградских писателей приводит выступление драматурга Д. Шагнова, который утверждал, что я был «случайным секретарем» Афиногенова.

Для восстановления грубо нарушенной истины прошу опубликовать: «случайным секретарем Афиногенова», как и вообще обо мне бы то ни было, а никогда не был.

Что касается прочих поданных утешков Д. Шагнова по моему адресу, то этот вопрос я передаю для расследования в бюро драмсекции СССР.

Ал. ТАЛАНОВ.

Ответственный редактор Л. М. СУБО